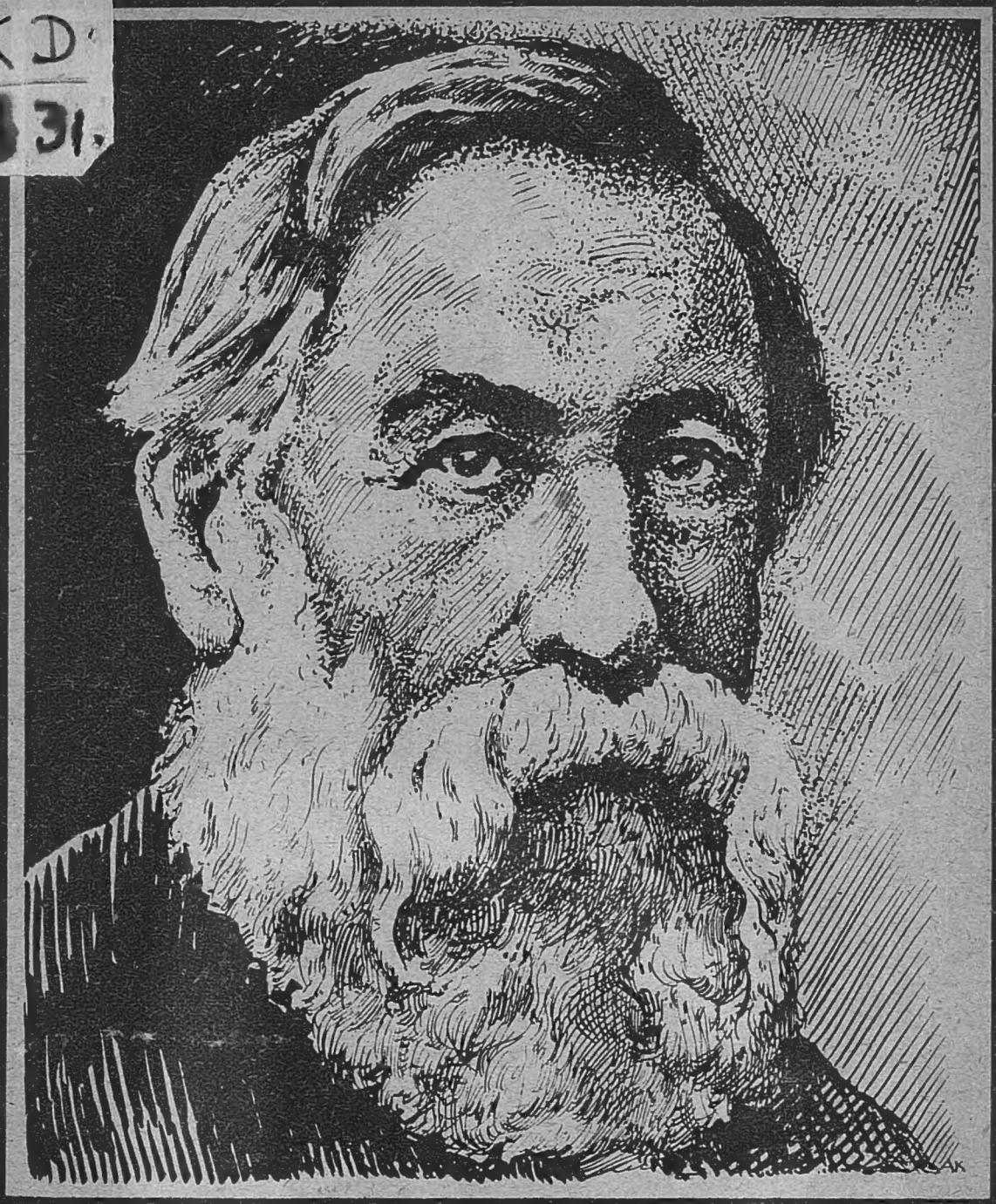
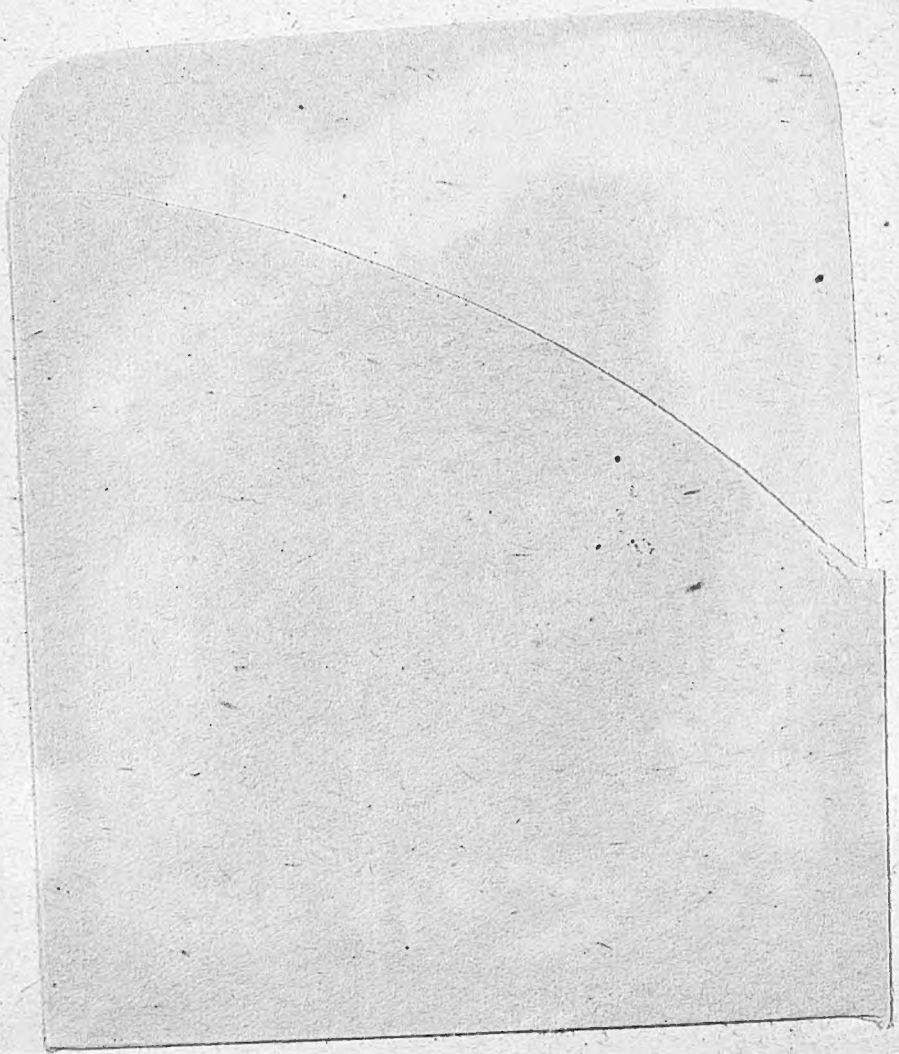
КД
А31
Адлер
Энгельс,
как мыс-
литель...
1924

KD
A31.



Макс Адлер.

ЭНГЕЛЬС КАК МЫСЛИТЕЛЬ



KD
A31

МАКС АДЛЕР

ЭНГЕЛЬС КАК МЫСЛИТЕЛЬ

„То, что отвергает наука не должно существовать и в жизни“

Перевод с немецкого С. И. ЦЕДЕРБАУМ

с предисловием проф. **М. В. Серебрякова**

948/4

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“
Ленинград, Пр. 25 Октября, 74, тел. 134-34 и 170-94.
Москва, Тверская, 38, телефон 264-61 и 377-23.
1924.

83
915+[891.71
М. Смелянс
ек", „Интер
.].
е]. Л.-М.,
в СССР [в Л
к.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУР
№ 131905

Ленинградский Гублит. № 1936. Тир. 3000 экз.

Типография „Химтехиздата", Разъезжая, 43.

Предисловие к русскому изданию.

Вслед за Марксом и Энгельсом мы усвоили иронические отношение к попытке „святого семейства", братьев Бауэров и их единомышленников, разменять классическое гегельянство на мелкую монету „критической критики" с ее противоположностью между „духом" и „массой". Никогда мы, марксисты, не участвовали в том культе „героев", который проповедывал вдохновенный пророк и мечтатель Томас Карлейль. Нам чужда почтительность русского революционера и ученого П. Л. Лаврова к „критически мыслящим личностям", которые, подобно благодетельным единицам, снисходительно становятся во главе бесконечных человеческих нулей. Нас, наконец, не прельщает ненаучное и старомодное противопоставление „героев" „толпе", столь любезное народническому сердцу Н. К. Михайловского.

Тем не менее надо признать, что есть люди, жизнь, личность и идеи которых заслуживают самого пристального внимания. Есть могучие и смелые умы, проникновенным взором разрывающие таинственную завесу грядущих человеческих судеб. Их характер, мировоззрение и деятельность до такой степени сливаются с известной эпохой, что составляют одно неразрывное целое. Такие люди подобны вехам на великом историческом пути. Оживляя в памяти их образ, мы как бы повторяем всемирную историю, выразителями и истолкователями которой они являются. К таким наиболее ярким светочам человечества принадлежит, несомненно, и Фридрих Энгельс.

Каков же путь духовного развития, пройденный этим благородным отпрыском благочестивого фабриканта из Вуппераля или „долины святош“ (Muckertal), как он однажды сам не без остроумия выразился. Каким образом юноша, на заре жизни мучительно боровшийся с религиозными призраками, умер на закате дней престарелым ветераном рабочего движения? Каково значение признанного и заслуженного пролетарского вождя, как самостоятельного вкладчика в систему, названную по имени его великого друга, Карла Маркса? Не является ли, наконец, марксизм в значительной степени и „энгельсизмом“ и по систематическому развитию, и по самому происхождению? — Вот интересные вопросы, на которые желает ответить Макс Адлер в своей работе.

Автор уже давненько начал возделывать тот участок научного поля, который сам называет „умственной историей социализма“ [1]). Правда, его работы в этой области не блещут ни замечательными открытиями, ни особенной ясностью мысли, ни, наконец, бесспорностью в истолковании марксизма: это в большинстве случаев этюды, более или менее остроумные, толковые и, если хотите, даже оригинальные. Иногда Макс Адлер переходит от беглых эскизов к более сложным композициям [2]). Здесь он, несомненно, обнаруживает знакомство с литературой, живость мысли и некоторую самостоятельность в суждениях. За всем тем ему присущ один крупный порок, который никогда не следует упускать из виду: это злополучная склонность к кантианству, по временам превращающая его в типичного идеолога.

Так, например, стараясь уразуметь революционное значение немецкой философии, Макс Адлер пишет: „основная ее тема, звучавшая все сильнее, была та же, что так громко прозвучала в 1789 и 1830 г.г. на улицах Парижа: „свобода и самоопределение“. Свобода! Само-

---

[1]) Max Adler, Wegweiser, Stüdien zur Geistesgeschichte des Sozialismus, Berlin—Charlottenburg, 4-e Aufl., 1923.

[2]) Макс Адлер, Маркс, как мыслитель, со вступительной статьей *М. В. Серебрякова*, Изд. „Книга“ Ленинград, 1924.

определение!! Но кому же не известно, что основную тему великой французской революции составляла борьба буржуазии с аристократией за свободу эксплоатации и наживы? Кто не знает, что лейтмотивом июльской революции тоже была борьба промышленной буржуазии с землевладельцами, ростовщиками-банкирами и баловнями-концессионерами за свое собственное „самоопределение"? И в том, и в другом случае происходила весьма реальная борьба за весьма реальные, даже торгашеские интересы.

То же следует сказать и о смене философских направлений в Германии, представленных именами Канта, Фихте и Гегеля. „Мышление, свобода и самостоятельность мышления", столь ослепляющие неокантианские взоры Макса Адлера, были только пышной философской мантией, которая прикрывала нищенское рубище экономической и политической отсталости. Жалкое состояние Германии в конце XVIII века полностью отразилось, между прочим, в кантовской критике практического разума. Приблизительно в это время французская буржуазия достигла политического господства и овладела континентом Европы; уже ранее свободная английская буржуазия революционизировала промышленность, подчинила себе Индию в политическом отношении, а остальной мир—в коммерческом. Немецкие же буржуа сумели выдумать только „добрую волю" Канта, вполне соответствовавшую их бессилию, унижению и ничтожеству.

Мелочные, провинциальные интересы немецкой буржуазии не могли сложиться в общие, национальные интересы класса, политическим выразителем которых во Франции и Англии был либерализм. В Германии он нашел свою наиболее характерную форму именно в идеях Канта. Как сам Кант,—писали Маркс и Энгельс,—так и немецкие буржуа, защитником которых он был, не замечали, что в основе этих теоретических идей буржуа лежали материальные интересы и воля, обусловленная материальными производственными отношениями. Поэтому Кант отделил теоретическое выражение интересов от них самих; затем он заменил

материально мотивированную волю французских буржуа чистыми самоопределениями „свободной воли“, воли an und für sich, человеческой воли вообще. Таким образом, Кант превратил подлинное стремление буржуазии в чисто идеологические понятия и нравственные постулаты [1]). Подобными идеологическими понятиями были, между прочим, „мышление, свобода и самостоятельность мышления“, по поводу которых Макс Адлер бьет в литавры. Последующее развитие философии представляет постепенное устранение отрыва между материальными интересами немецкой буржуазии и их теоретическим выражением у Канта. „Нравственное законодательство“ своего предшественника Фихте превращает в действие абсолютного сознания, которое было в сущности метафизическим выражением революционного настроения, блеснувшего в умах некоторых буржуазных идеологов. Гегель решительно восстал против всякого произвола и субъективности в познании, повернув к действительности; его исходным пунктом было не нравственное законодательство и не действие абсолютного сознания, а логическая закономерность духа, познаваемая в ее необходимости. Наконец, левые гегельянцы еще более повернули от „мышления“ к действию, от теории к практике, от философии к политике. В своем походе против пиэтистов, ортодоксов, романтиков и правых гегельянцев, они идеологически боролись против окостеневших воззрений, а практически выражали интересы буржуазии [2]). Так постепенно происходило слияние идеологических умозрений с политическими и экономическими потребностями растущего капитализма. В изложении же Макса Адлера все развитие немецкой философии представляется в виде чисто идеологического процесса, развивающегося из самого себя. Причем же тут марксизм?

---

[1]) K. Marx—Fr. Engels, Sanct Max (Documente des Sozialismus Bd. III. 1903, s. 170 ff).

[2]) Gustav Mayer, Die Anfänge des politischen Radikalismus im vormärzlichen Preussen (Zeitschrift für Politik. Bd. VI, 1913, S.s. 1—91).

Последнюю фазу этого процесса Энгельс переживал лично. Воспитанный в религиозном духе, юноша рано познакомился с литературой молодой Германии, переборол тяжкие религиозные сомнения и пришел к Давиду-Фридриху Штраусу. Знаменитый богослов привел его к Гегелю, а от великого философа Энгельс при помощи своего политического гида-Берне перекочевал в лагерь левых гегельянцев [1]).

Но и последние удовлетворяли его недолго. По дороге из Бармэна за Ламанш он заехал в Кельн, где впервые встретился с Марксом и рейнскими коммунистами. Встреча с будущим другом, как известно, была холодна и мимолетна. Зато непродолжительное знакомство с коммунистами и, в особенности, с Мозесом Гессом произвело на Энгельса большое впечатление. По крайней мере 19-го июня 1843 года Гесс писал своему другу Ауэрбаху: „В прошлом году, когда я собирался ехать в Париж, он, ныне пребывающий в Англии и пишущий о ней большое сочинение, прибыл из Берлина в Кельн; мы говорили о современных вопросах, и он, уже год как революционер, расстался со мной ревностнейшим коммунистом. Так я произвожу опустошения“ [2]). Да и сам Энгельс в ноябре того же года определенно засвидетельствовал, что Гесс первый обратил его внимание на коммунизм, как необходимое дальнейшее развитие гегелевской доктрины [3]).

Макс Адлер не считает нужным упомянуть о встрече Энгельса с Гессом, которая толкнула юношу в сторону коммунизма. Напротив, он утверждает, что „шаг к образованию нового сознания“ стал возможен только во время пребывания Энгельса в Англии. Но важно не столько это упущение, сколько нечто иное. Говоря о

---

[1]) Об этом периоде в жизни Энгельса см. М. В. Серебряков, Молодые годы Энгельса, а также: Энгельс и младогегельянцы (Записки Научн. О-ва Марксистов, №№ 2—3, 5—6, Петрогр. 1922—24).

[2]) Theodor Zlocisti, Moses Hess, Der Vorkämpfer des Sozialismus und Zionismus, Berlin, 1921. s. 99.

[3]) Gústav Mayer, Friedrich Engels in seiner Fruhzei Berlin. 1920. s. 108.

произведениях Энгельса, относящихся ко времени его первого пребывания в Англии, Макс Адлер справедливо замечает, что они отличаются совершенно новым отпечатком и переносят нас в совсем иную сферу. Затем наш автор добавляет: „мы уже не дышем разреженным горним воздухом философского умозрения, мы не следим уже за движениями и борьбой „голых идей", а опускаемся буквально на твердую почву фактов и внезапно оказываемся в водовороте борьбы социальных интересов".

Подобная формулировка, вполне, повидимому, верная, тем не менее извращает перспективу. Прежде всего, философское умозрение, действительно поднявшееся в заоблачные выси, тоже выростало на „твердой почве фактов". Поэтому состязание „голых идей" отражало, хотя и в искаженной форме, борьбу социальных интересов. Далее, младогегельянцы уже сами начали спускаться с горних высот спекуляции на более твердую почву политики. Наконец, в частности, Энгельс всегда отличался удивительным практическим чутьем и старался удержаться на почве конкретных фактов. Таким образом, замечание М. Адлера верно лишь в том смысле, что Энгельс сбросил в Англии идеологическую оболочку и стал смотреть на классовую борьбу не через спекулятивные очки.

Попытки М. Адлера изобразить развитие философских и социально-политических идей в виде самостоятельного идеологического процесса объясняются совершенно превратным истолкованием исторического материализма. Он исходит из следующего, повидимому, бесспорного положения: исследуя историю человечества, мы всегда имеем дело только с людьми и их взаимными отношениями. Стало быть,—умозаключает М. Адлер,—она представляет нечто исключительно человеческое. Согласно же предрассудкам идеалистической и в частности кантовской философии последнее является прежде всего чем-то духовным. Отсюда не трудно сделать вывод, что и всякое общество, состоящее только из людей, отличается духовной или психической природой.

Благополучно проделав этот логический трюк, М. Адлер наталкивается на то неприятное обстоятельство, что сами Маркс и Энгельс упорно называли свое понимание истории „материалистическим“. Подобная мелочь мало смущает нашего отважного истолкователя. По его утверждению, творцы исторического материализма молчаливо допускали, что материальное в истории есть „нечто иное, чем материя естествознания“: „это материальное является уже вовсе не вещественным, а чем-то человеческим и, как таковое, по необходимости уже чем-то духовным“ [1]). Само собою разумеется, новый трюк неизбежно ведет к новому „теоретико-познавательному“ пониманию социального бытия вообще и его отношению к сознанию в частности.

Свое новое истолкование Маркса и Энгельса М. Адлер формулирует так: „Социальная жизнь, общество, весьма часто кажутся сущностью или в виде какой-то таинственной связки между людьми, или, еще чаще, как власть над ними. В действительности же... мы не можем искать социальной жизни нигде, кроме того, где она только и дана реально: и это бывает лишь в отдельном человеке“. Свое „критическое“ истолкование исторического материализма М. Адлер венчает бесподобным афоризмом: „Человек социален не потому, что живет в обществе, а может жить в обществе потому, что социален уже непосредственно в своем самосознании, т.-е. отличается существенным сходством в психическом отношении со своими сородичами (auf die Wesensgleicheit des Psychischen mit seinen Artgenossen bezogen ist) [2]).

О, бессмертная робинзонада! Как ты спасительна, когда приходится разрешать запутанный вопрос. Вслед за всеми почитателями Робинзона, М. Адлер исходит из представления об отдельном существе, которое уже получило от благодетельной природы общественное

---

[1]) Max Adler, Marxistische Probleme Beiträge zur Theorie der materialistischen Geschichtsauffassung und Dialecktik. Stuttgart, 1913, S. 4.

[2]) ib. s. 5.

„самосознание“ и только поэтому может „сходиться“ (verständigen) со своими „сородичами“. Но подобное представление страдает, к сожалению, маленьким логическим пороком: принимая доказанным то, что еще подлежит доказательству, М. Адлер совершает грубейшее petitio principi. Ведь ясно, как день, что действительное „соглашение отдельных существ является истинным пустяком, раз допущена его психическая возможность“. Но вопрос и заключается в том, как возникает эта возможность? Чем обусловливается психическое сходство существ, составляющих общество?

Конечно, М. Адлер не отвечает на поставленный вопрос. Да это и невозможно в пределах социальных наук, ибо предметом их исследования являются люди, у ж е живущие в обществе. Чтобы получить хоть какой-нибудь ответ, нужно обратиться к естествознанию. Здесь социолог найдет формуляр человека, составленный биологическими науками. В нем, между прочим, значится: физиологические особенности всех живых существ (и среди них человека) слагаются в медленном, продолжительном и сложном процессе приспособления их к материальным условиям существования; при этом полезные в борьбе за жизнь особенности сохраняются и постепенно закрепляются наследственностью, а бесполезные или вредные безжалостно уничтожаются вместе с их обладателями; сходная материальная среда естественно порождает физическое и „духовное“ сходство существ, принадлежащих к одному виду; при определенных материальных условиях существования эти существа ведут совместную жизнь, содействующую развитию их „социальных инстинктов“; среди них человек выделился потому, что принял вертикальное положение, давшее возможность свободно развиваться его черепу и мозгу: живя вместе с себе подобными и приступив к изготовлению орудий, человек начал свою историю, как своеобразный социальный процесс.

Но всем сказанным биологический формуляр человека убеждает нас в том, что сначала была объективная и,—к огорчению М. Адлера,—материальная основа общества, а затем уж на ней сложились определенные отно-

шения между людьми. Поэтому ни Маркс, ни Энгельс не искали общества в „отдельном человеке“: это означало бы возврат к социальной атомистике XVIII и даже XVII веков, которую они решительно отвергали. Уже в первой совместной работе „Святое семейство“ Маркс доказывал, что отдельный человек не атом, не абсолютный и самодостаточный индивид, а нечто очень сложное. В борьбе за существование практические потребности приводят его в связь с другими индивидами. Это порождает своеобразное отношение между людьми, заинтересованными в поддержании взаимной связи, ибо они могут удовлетворять свои потребности только в „гражданском обществе“. Вот почему гражданская жизнь представляет реальную связь общества. Отсюда—вполне логичен будет вывод—исходным пунктом и предметом исследования могут быть не отдельные люди, а то, что их связывает, т.-е. „гражданская жизнь или общество [1]).

Таким образом, с самого начала дело заключалось вовсе не в отдельных людях, а в отношениях между ними. Можно ли эти отношения свести исключительно к психическим отношениям или „психическому взаимодействию“ психологической школы (Габриэль Тард, Лестер Уорд, Рюмелин-старший и т. д.)? Исторический материализм разрешает этот вопрос в том смысле, что из отношений между людьми, в совокупности составляющих общество, выделяет прежде всего материальные условия существования—внешнюю природу или среду. Между нею и обществом происходит непрерывный обмен веществ в процессе общественного труда. „Труд,—говорит Маркс,—есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью обусловливает, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой“. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того, чтобы присвоить вещество в известной форме, пригодной для

[1]) K. Marx u. Fr. Engels, Gesammelte Schriften, I. Stuttgart. 1902 s.s. 226—227.

его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы, руки и ноги, голову и руки. Действуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу“ [1]).

Это, бесспорно, чисто материальный процесс: „обмен веществ“, человек как „сила природы“, органы его тела, наконец, самый труд, под которым Маркс разумеет трату физиологической энергии,—все это физические понятия. А М. Адлер утверждает, что „материя в истории“ не есть „материя естествознания“! Может ли извращение марксизма итти дальше? Но даже резко обособив природу от общества, мы все же не уничтожим в последнем „материю естествознания“. Как представляет себе Макс Адлер материальные производительные силы, основное понятие нашей теории? Ведь не говоря уж о таких измеримых, весомых и осязаемых вещах, как предметы и орудия труда (средства производства), даже рабочая сила, т.-е. физиологическая энергия представляет нечто чисто материальное. Но производительные силы, созданные самим человеком, нельзя отнести просто к природе. Как же быть? М. Адлер поступает очень просто: он решительно игнорирует эту прозаическую материю социальной жизни.

Лишив, таким образом, общество материальной основы, имея, кроме того, очень смутное и по существу неверное представление о производственных отношениях, М. Адлер может с большой легкостью совершить „преобразование марксизма“. В его истолковании „действующие при капиталистическом хозяйстве законы представляют собой лишь формы проявления вполне определенных, исторически обусловленных человеческих отношений, которые развились из предшествующих отношений и, в свою очередь, порождают из себя новые отношения“. Движущей силой этого странного развития является не логическое противоречие понятия, как у Гегеля, а реальное столкновение интересов человеческих групп. „Таким образом“,—берет М. Адлер заклю-

[1]) К. Маркс, Капитал, I. М. 1909. Отд. 3, гл. 5, I, стр. 142.

чительный аккорд,—„необходимое развитие духа (des Geistes) превратилось в необходимую борьбу умов (der Geister), которая с такой же необходимостью, как у Гегеля, порождала прогрессивное движение“ [1]). Короче, единственная разница между Гегелем и Марксом заключается в том, что первый употреблял слово дух (der Geist) в единственном числе, а Маркс—во множественном.

Очистив марксизм от всякой материалистической скверны, М. Адлер делает одно сенсационное открытие за другим: во-первых, „марксизм, несмотря на его так-называемое материалистическое понимание истории, не имеет по существу ничего общего с материализмом“; во-вторых, в том, как понимал Энгельс отношение мышления к бытию, тоже „нельзя найти ничего общего с сущностью философского материализма“; в третьих, „диалектический материализм фактически представляет не что иное, как позитивизм современной научной работы вообще“; в четвертых....., но и в четвертых, и в пятых и в шестых одно и то же: филистерская ненависть к материализму, полная неспособность понять критикуемое воззрение и до смешного бессильные, но претенциозные попытки доказать, что ни Маркс, ни Энгельс никогда не были материалистами. После сказанного выше, опровергать их нет особенной нужды [2]).

Но я хотел бы заметить, что эти попытки объясняются непониманием не только материализма вообще, но и исторического материализма в частности. В самом деле, М. Адлер воображает, будто наша теория „является учением о конечных общественных мотивах бытия и деятельности людей“. В полном согласии с основной ошибкой он считает наиболее „блестящей и плодотворной стороной в деятельности Энгельса“ его изложение исторического материализма „в виде мотивоционного учения об общественном развитии духа“. Бесспорно,

---

[1]) Max Adler, Engels als Denker, Zum 100 geburtstag Friedrich Engels, Berlin, 1920, Kap. VI, s.s. 52—53.

[2]) Это я уже отчасти сделал во вступительной статье к книжке того-же Макса Адлера, Маркс, как мыслитель, Ленинград, 1924.

Энгельсу и Марксу принадлежит крупная заслуга в указанном отношении. Но отсюда не следует, что можно забывать о других, еще более блестящих и плодотворных достижениях их обоих: учение о материальных производительных силах и производственных отношениях, о конфликтах между первыми и вторыми, теория классовой борьбы, необходимо приводящей к диктатуре пролетариата и бесклассовому обществу, учение о государстве и очень многое другое—вот в чем, заключается исторический материализм, как социологическая доктрина. Но именно о его наиболее революционных элементах М. Адлер упорно молчит, словно воды в рот набрал.

Это не случайно. По вполне справедливому замечанию Оскара Блюма, „литературная деятельность Адлера дает ключ к целому периоду социалистического развития. Она—теоретическое завершение и отзвук ревизионистской эры. В ней обнаруживаются, как крутой поворот, так и осторожное загибание, испытанные научным социализмом к началу нашего века. Адлер подоспел как раз в нужный момент, чтобы вывести из беды, ибо ревизионизм в своей первой, несколько грубоватой форме уже потерял под ногами почву, и его дальнейшее развитие требовало известного округления и перегруппировок в первоначальной системе. Отныне раздался пароль—не выступать более с аляповатой тривиальностью, готовой, не откладывая дела в долгий ящик, „заменить“ Маркса Адольфом Вагнером, а притти к известному „синтезу“. Это мог лучше всего совершить Адлер в качестве эпигона [1]). И Макс Адлер, как эпигон марксизма и ревизионизма, действительно выполняет свою провиденциальную миссию не за страх, а за совесть. Suum cuique!

Проф. *М. В. Серебряков.*

---

[1]) Oskar Blum, Max Adlers Neugestaltung der Marxismus (Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung, VIII, 1919, s. 178).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В своей работе „Маркс, как мыслитель", выходящей вторым изданием одновременно с этой книжкой, я пытался осветить значение в истории духовного развития теоретической работы Карла Маркса. Такую же задачу ставит себе и предлагаемая книжка по отношению к Фридриху Энгельсу. Но выполнение ее представляется в известном смысле более трудным, чем по отношению к Марксу. И это не потому, чтобы Энгельс был более сложным мыслителем, — как известно, дело обстояло как раз наоборот,—но потому, что не легко определить его самостоятельное значение и в развитии марксизма, поскольку в обычном представлении дело жизни Энгельса совершенно растворяется в деятельности Маркса. Вполне правильно заметил как-то Меринг, что все еще существует опасность не дооценить скорее в этом отношении Энгельса, чем переоценить его; и если Энгельс, который, как известно, в своей трогательной дружбе к Марксу свою заслугу в выработке основ научного социализма ставил неизменно на второй план по сравнению с заслугой Маркса, сам как-то выразился, что потомство само уже разберется в их взаимоотношении, то столетняя годовщина со дня рождения Энгельса побуждает не откладывать такого выяснения и суждения. Отправные пункты и указания для такой оценки содержатся в достаточном числе в примечаниях Франца Меринга к изданному им собранию сочинений Маркса и Энгельса, затем в его статье, посвященной Энгельсу, написанной в 1905 году, и его биографии Маркса, а также в биографии Энгельса,

К. Каутского и в особенности в недавно появившейся биографии Энгельса из под пера Густава Мейера, который, впрочем, рассматривает деятельность Энгельса лишь до 1850 г.; наконец, в критически недостаточной, но все же содержательной брошюре Вернера Зомбарта, „Фридрих Энгельс“, изданной им после смерти последнего в 1895 г. Однако, все эти указания и соображения должны были по необходимости носить отрывочный характер в виду биографических целей большинства этих произведений или, как это имело место у Меринга, в виду сосредоточения главного интереса на Марксе. В предлагаемой работе, напротив, мы попытаемся выяснить историю умственного развития Энгельса и его значение, как самостоятельного вкладчика в систему, известную под именем его великого друга, и показать, в какой большой мере марксизм является вместе с тем „энгельсизмом“, и притом не только в отношении его систематического развития, но в особенности в смысле его возникновения. Я отлично сознаю, что такой оценкой Энгельса я характеризую лишь одну сторону его исторического и человеческого значения, так как здесь я не мог останавливаться на всей необъятной деятельности Энгельса, как политика и советника пролетариата после смерти Маркса, а также и на его беспримерной по самоотверженности и верности дружбе к Марксу. Но я не ставил себе задачей дать здесь биографический очерк; в мои цели входило выяснение существенных основных черт исторической деятельности Энгельса, а последняя выражается в его творческом сотрудничестве в выработке великой теории, которая решает нам загадку общества и открывает его судьбы и будущее,— в выработке теории научного социализма.

М. Адлер.

Конец октября 1920 г.

I.

Самостоятельное значение Энгельса в марксизме.

Революционный социализм пролетариата, грандиознейшее народное и культурное движение, какое когда-либо существовало, является вместе с тем умственным движением небывалой силы и размаха. Ибо никогда еще проблемы ученых, мысли теоретиков, результаты многолетних, упорных исследований не захватывали так массы, никогда еще теория не воплощалась так в мышление и действия масс, как теория марксизма в мышление и действия пролетариата. Пророчески писал молодой Маркс в „Немецко-Французских Ежегодниках“, в этой величественной увертюре научного социализма, в которой звучат уже его самые глубокие мотивы: „Подобно тому, как философия находит в пролетариате свое материальное оружие, так и пролетариат находит в философии свое духовное оружие, и как только молния мысли крепко ударит в эту наивную народную почву, свершится эмансипация немцев в людей“ [1]). Молнией мысли в эту наивную народную почву явился марксизм: он мог, он должен был ударить в нее, так как пролетариат в его свете лишь узнал самого себя и свои собственные условия жизни и судьбу. До того он тупо страдал или же в бешенстве выступал против своей нищеты; и вот впервые к нему на помощь пришел разум, позволяющий ему

---

[1]) Литературное наследство „Маркса и Энгельса, т. I, рус. пер., изд. „Мир“, 1907 г., стр. 353.

уразуметь себя самого, свою нужду и свое спасение. Только теперь основные мысли марксизма открыли ему понимание окружающего его социального мира. Учение о материалистическом понимании истории, о классовой борьбе и классовых противоречиях, о прибавочной стоимости и накоплении капитала, об общественном характере труда, об экономической необходимости форм эксплоатации при господстве частной собственности и об исторической задаче пролетариата, сводящейся к осуществлению общественного характера производства,—все это позволило пролетариям уразуметь печальное, тягостное настоящее, как результат длительного и полного страданий развития людей, во время которого всегда лишь ничтожная часть их могла, в качестве господствующего класса, вести трагикомедию культурной жизни на основе несказанной грубости, невежества и эксплоатации громадного большинства народа. Но это учение вместе с тем позволяло увидеть лучшее будущее и притом уж не в виде туманного обетования, а как необходимый результат исторического развития, в осуществлении которого в значительной степени должны были принять участие его собственные сознательные усилия. Марксизм научил научно понимать историю, в которой проявляется вся жизнь общества, он дал первый очерк учения о законах социального развития, столь долго отыскивавшееся со времени Вико всеми великими умами дополнение к учению о законах развития природы. И потому он сам собой должен был приобрести популярность среди носителей величайшего социального движения нашего и всех времен, среди участников освободительного движения пролетариата, насколько только может быть популярным уяснение самого себя и своих насущных интересов.

Но основательным и столь быстрым превращением тяжеловесного идейного вооружения марксизма в народное вооружение масс, охваченных духом марксизма, мы обязаны прежде всего деятельности того человека, который вместе с тем явился соучастником в выработке марксистской теории, деятельности Фридриха

Энгельса. Только его изложение общих ему с Марксом основных положений нового понимания истории и учения об обществе, только его объяснения и развитие последних, его популяризация и полемическая защита экономического и социологического учения Маркса, и притом кристалльно ясным, легко понятным, часто полным юмора языком, с которым он в многочисленных сочинениях, статьях и письмах обращался непосредственно к пониманию рабочих, считаясь при этом с их особыми потребностями в пояснениях,— все это сделало возможным победное шествие марксистской мысли, так что в сущности, оставаясь при образном выражении Маркса, это Энгельс явился молнией, которая разрядила высоко напряженную идейную энергию марксизма в наивной народной почве пролетариата. И с тех пор марксизм и социализм сплетались все теснее, так что ныне они являются уже нераздельными, и это сплетение представляет собою сущность современного социализма, образует его сплоченность и единство. В этом ничего не изменяет глубокий кризис, который в настоящее время переживает социализм после бурь войны и среди волн социальной революции. Ибо этот кризис нигде не поставил под сомнение или только поколебал его теоретические основы. Напротив, он стоит под знаком страстного спора, в котором каждое из борющихся направлений добивается признания в качестве единственно правильного истолкователя марксистского мышления и марксистской практики. То кризис революционной тактики, а не революционной теории марксизма, какой переживает ныне социализм; и этот кризис может быть преодолен только теоретическими средствами самого марксизма.

Установление такой связи теории с массами и притом в области, где развертываются грандиознейшие события, в области социальной жизни людей, воплощение в жизни великих идей Маркса, программой идейной работы которого было стремление превратить теорию в „резолюционную практику“,—одно это составило бы уже такую заслугу, благодаря которой имя Фридриха Энгельса должно было бы явиться бессмерт-

ным наряду с именем Карла Маркса. Но сказанное не исчерпывает, даже далеко не очерчивает самостоятельного величия и исторического значения Энгельса. Энгельс разделяет участь тех созвездий, которые слишком близко подошли к сфере сияния пылающего солнца так что становятся незаметным глазу их собственное сияние, так что даже нередко их собственный свет признается лишь отображением более крупного светила. Но совсем другая картина получается при более близком рассмотрении, при изучении развития марксизма его творцами и при попытке установить долю Энгельса, что, правда, стало возможным лишь в самое последнее время благодаря глубоким и богатым новыми материалами работам Густава Майера [1]), при попытке установить, что сделал Энгельс для развития марксистских идей в законченное учение об обществе. Подобно тому, как в телескопе яркая звезда предстает перед изумленным взором в виде двойного созвездия, так и здесь, напротив, лучи света двух великих светил ума сливаются в один ослепительный поток света: пылающим солнцем является сам марксизм, а Маркс и Энгельс представляют собою отделимых друг от друга только в биоскопе носителей единого и нераздельного идейного влияния.

Таким образом, точка зрения, с которой нередко приходится встречаться также и в марксистских кругах, будто историческое значение Энгельса состояло преимущественно только в том, что он был, правда, гениальным истолкователем и популяризатором трудно усваиваемого круга идей Маркса, эта точка зрения представляется безусловно недостаточно оценивающей его действительное значение для марксизма в целом. Такая точка зрения стала возможной благодаря главным образом самому Энгельсу, который в своей уже без того достаточно проявившейся преданности к своему другу, со-

---

[1]) „Ранние произведения Фридриха Энгельса", собр. и изд. Густавом Майером, Берлин, изд. Шпрингера, 1920 г., и Густав Майер, „Фридрих Энгельс, Биография", т. I, „Молодые годы Фр. Энгельса, 1820—1851 г.", Берлин, изд. Шпрингера, 1920 г.

вершенно отодвигал свою собственную теоретическую работу на задний план, выдвигая работу Маркса. Неоднократно он подчеркивал, как, например, в предисловиях к „Крестьянской войне", к „Анти-Дюрингу" и, в особенности к „Коммунистескому Манифесту", что основная идея материалистического понимания истории принадлежит „исключительно и целиком" Марксу. Постоянно он ставил Маркса выше себя: „Маркс выяснил бы все это гораздо лучше и ярче", пишет он в предисловии к брошюре „К жилищному вопросу" по поводу своей полемики против Прудона, и особенно трогательно высказывается он о своем отношении к Марксу в письме к Иоганну Филиппу Беккеру: „Всю свою жизнь я делал то, к чему был предназначен, а именно: играл вторую скрипку; свое дело, надеюсь, я выполнял вполне удовлетворительно, и был рад, что имею такую знаменитую первую скрипку, как Маркс" [1]).

Но приговор самого Энгельса о самом себе не должен быть и не может быть воспринят историей. И воздать в этом отношении Энгельсу большую справедливость, чем он сам воздавал себе, представляет собою не просто историко-литературную задачу. Правильно будет сказать, что надлежащая оценка самостоятельного значения Энгельса в марксизме вместе с тем облегчит лучшее понимание этой системы. Подобно тому, как человек вполне может увидеть себя только между двумя зеркалами, так и мы в особом отражении, даваемом взглядами Энгельса, сумеем познать марксизм в его своеобразной сущности.

И если спросить себя, в чем же состояло самостоятельное значение Энгельса, то, повидимому, его следует искать в двух направлениях: прежде всего в том, что Энгельс внес в виде самостоятельных идей еще до совместной работы с Марксом в теорию марксизма, а затем в том, что сделал он вместе с Марксом, и после его смерти самостоятельно, для развития и выработки

---

[1]) В русск. пер.: Фр. Энгельс, Забытые письма, Госиад. 1922 г., стр. 51.

марксистской теории. В обоих этих направлениях следует в значительной мере исправить представление, какое составилось об Энгельсе, как о простом пропагандисте идей Маркса. Если даже Энгельс играл вторую скрипку, то играл он ее в таком дуэте, в котором на втором голосе лежали весьма трудные, обуславливавшие гармонию целого сольные партии.

II.

Философское начало.

Фридрих Энгельс родился ровно сто лет тому назад, 28 ноября 1820 г., т.-е. его юношеские годы, наиболее восприимчивые и бурные, пришлись на тот период борьбы за новые формы мышления и мировоззрения и выработки последних, который должен был сыграть решающую роль для всего последующего времени, для выработки нашего современного сознания. Недаром нас не перестает захватывать идейная борьба тех давно ушедших поколений, как ни далека она от наших современных интересов. Казалось, что глубочайшим образом возбуждали умы лишь спорные вопросы самой сухой теории, проблемы философии и теологии. Но в действительности этот страстный интерес ко всем этим вопросам придавало нечто другое, а именно само мышление, свобода и самостоятельность мышлений. В этом стремлении к свободе духа, какое было совершенно незнакомо минувшим векам авторитарной связанности и какое глубже всего выразилось в немецкой философии со времени Канта, жило то самое стремление, необузданно-революционное, к преобразованию жизни, которое стало заметным на политической и социальной почве, даже для близоруких, благодаря французской революции. Редко усваивали все глубокое значение светлой мысли Гейне, которую усвоили себе также Маркс и Энгельс, лишь углубив ее смысл, а именно идею о том, что в то время, как англичане и французы совершали революцию в исто-

рии, немцы проделали свою революцию лишь под черепной крышкой [1]). В этом, напротив, усматривали нечто принижающее немцев, видели нечто, вроде второсортной революции, вместо того, чтобы понять, что в этом умственном движении начавшаяся на политической почве, т.-е. в частной области, эмансипация стремилась вылиться во всестороннее освобождение, и лишь вопросом исторического развития оставалось, к т о выведет все следствия—политически и социально—из этой самой глубокой из всех революций. И в этом отношении Гейне тоже сказал пророческое слово, воскликнув в заключении своей книги о Германии: „Не беспокойтесь вы, германские республиканцы, германская революция не окажется более мягкой и безмятежной от того, что ей предшествовали критика Канта, трансцедентный идеализм Фихте и даже натурфилософия (Гегеля). Благодаря этим учениям развились революционные силы, которые ждут лишь дня, чтобы выступить и наполнить мир ужасом и изумлением. Появятся кантианцы, которые не захотят слышать ни о какой святости и в мире явлений..., на площадях появятся вооруженные фихтеянцы, которых в их волевом фанатизме нельзя будет обуздать ни страхом, ни эгоизмом..., но еще ужаснее окажутся натурфилософы (т.-е. гегельянцы), которые действенно вмешаются в германскую революцию и отождествят себя с самим делом разрушения... Мысль предшествует действию, как молния предшествует грому. Германский гром, разумеется, тоже германского происхождения и не очень послушен, его раскаты приближаются несколько медленно, но он все же разразится; и если вы когда-либо услышите его удар, какого еще никогда не слыхали в мировой исто-

[1]) „Мы знаем восстания в области духовной так же, как и вы (французы) в сфере материальной, и при свержении старого догматизма, мы воспламеняемся не меньше, чем вы при штурме Бастилии... т о б ы л а р е в о л ю ц и я, и не было недостатка в жестокостях... Если когда-либо немецкая философия, подобно французской революции, найдет своего Тьера и своего Минье, то история ее представит собою столь же замечательное чтение, и немец будет читать ее с гордостью, а француз с изумлением". Генрих Гейне, Германия, I, книга 3.

рий, то знайте: германский гром, наконец, достиг своей цели“ [1]). Уже из этого понятно, почему Энгельс всегда признавал теоретический социализм, этот „германский гром“, „по существу германским продуктом“ [2]), а также почему ему могла притти в голову столь странная на первый взгляд мысль, по поводу которой мы будем еще подробно говорить, что коммунизм является следствием германской философии.

Но для того, чтобы уразуметь это революционое содержание германской философии, надо уяснить себе, что основная ее тема, какая звучала в ней все сильнее, была та же, что и столь громко прозвучавшая в 1789 и 1830 годах на улицах Парижа: свобода и самоопределение. Только таким образом можем мы понять и прочувствовать, как было возможно, что целые поколения жили в этой философии и ею руководились, что всех их полные энтузиазма надежды и стремления были связаны с судьбами этой философии.

Революционная тема о самоопределении прозвучала впервые с потрясающей силой у Канта, философия которого показала, что человек не только в одном нравственном законе следует собственному самоопределению, т.-е. закономерности воли, но что и внешняя необходимость, закономерность природы, отражает лишь закономерность мышления. Таким образом, мышление и воля, в силу заложенных в них необходимостей их функционирования, строят материальный и нравственный мир. Законодателем как естественной, так и нравственной закономерности является человек; он только создает такое законодательство бессознательно, осуществляя его самым фактом своего мыслящего и проявляющего волю существования. Таким путем ниспровергается исконнее чуждое господство божества в любом образе, начиная от веры в фетишей и кончая пан-

---

[1]) Г. Гейне. Сочинения, т. VII, стр. 197—208.

[2]) „Научный социализм представляет собою по существу германский продукт и мог возникнуть лишь у нации, классическая философия которой сохранила живой традицию сознательной диалектики“. Энгельс, „Развитие социализма от утопии к науке“, 4-е нем. изд., стр. 4.

теизмом; на сцену выступает свободный мыслящий и желающий человек, повинующийся только своим собственным законам, зведному небу над собою, законы которого представляют собою правила его сознания, живущему в нем самом нравственному закону, который является нормой его общезначимой воли.

У Фихте это законодательство превращается в первоначальное действие абсолютного сознания, являясь, правда, метафизическим отклонением от великого кантовского позитивизма, но ведя к новым значительным выводам. Ибо представление о мире, как о деле сознания вообще—эта грандиозная мысль, в которой даже Гёте нашел успокоение для неустанных исследовательских стремлений Фауста,—означает, что существование мира природы и человеческого только в том единственном случае утрачивает свою бессмысленность и бесцельность, если он является делом сознательной работы духа в соответствии с присущим ему законом. Закон этот может быть только законом воли, следовательно, нравственным законом. Отсюда великое изречение фихтевской философии, что мир представляет собой лишь материал для проявления долга.

Придание миру действительного характера представляет собою грандиозную попытку радикального воплощения идеи о самоопределении. Ибо он осуществляется лишь тем, что мир понимается уже не как покоющееся существование, а как непрерывное толкание вперед нравственной волей, которая видит свою задачу в своем совершенствовании. „Последнее назначение всякого конечного разумного существа состоит в абсолютном единстве, постоянной идентичности, полном согласовании с самим собою... Но эмпирические проявления нашего Я, по крайней мере в своей большей части, зависят не от нас самих, а от чего-то, находящегося вне нас... Но если Я и в этом отношении должно всегда оставаться тождественным самому себе, оно должно стремиться воздействовать непосредственно на самый мир вещей; человек должен стараться видоизменить его и согласовать его с чистой формой своего Я... Подчинить себе все неразумное,

свободно и на основании собственного закона овладеть им и господствовать над ним,—такова последняя конечная цель человека, которая в полной мере недостижима... Но он может и должен все больше приближаться к этой цели—и потому приближение в бесконечности к этой цели является его истинным назначением, как человека" [1]). Таким образом, самоопределение человеческого сознания совершается в длительном процессе развития, который превращает дикую борьбу сил истории в медленный, но неуклонный прогресс к все большей свободе, нравственности и самосознанию. С точки зрения миропонимания Фихте революция составляет сущность действительности, а революционная, т.-е. преобразующая воля,—главное положительное свойство истории [2]).

Новым изданием этой декларации о суверенных правах человеческого сознания является философия Гегеля, в свете которой выросли Маркс и Энгельс, и для очарованного ею века она представлялась завершением этой эпохи развития человеческого духа. Снова и снова останавливаемся мы, к сожалению столь трезвые люди современности, которая, однако, должна бы была так опьянять, в изумлении перед сочинениями Гегеля, которые кажутся нам теперь столь скучными и абстрактными, часто даже непонятными, когда представляем себе, как некогда слова эти волновали целые поколения, как овладевали они пылкими умами юношества и как по поводу их значения и приложения велась борьба с такой страстностью и ожесточением, как будто от этого зависели самая жизнь и вечное спасение. А между тем дело обстояло именно так. „Если вы теперь спросите в Берлине кого-либо",—пишет молодой Энгельс десять лет спустя после смерти

---

[1]) И. Г. Фихте, О признании ученого (Изд. „Реклама", стр. 12—15).

[2]) См. Макс Адлер, „Классовая борьба против борьбы народов", Мюнхен, 1918, 1 гл.; „Фихте об истинной войне" и „Путеводитель", очерки из умственной истории социализма, Дитц, Штуттгарт, 3 изд. 1917 г., глава об Иоганне Готлибе Фихте.

Гегеля,—„кто имеет хотя какое-нибудь представление вовласти духа над миром, об арене, на которой идет борьба за господство над общественным мнением Германии в области политики и религии, следовательно за господство над самой Германией, то он вам ответит, что арена в университете, а именно в аудитории № 6, где Шеллинг читает свои лекции о философии откровения. Ибо в данный момент утрачивают значение и отступают на задний план все отдельные разногласия, оспаривающие у философии Гегеля то господство, против которого выступает оппозиция Шеллинга“ [1]).

Что же было причиной такого преданного интереса, отождествления целого века с теорией, такого замечательного явления, какое в последующее время повторилось снова лишь в лице марксизма, конечно, на другой, более широкой почве? Этим своеобразным поворотом от Канта и Фихте как бы завершалось и утверждалось провозглашение независимости сознания; то был поворот против всякой субъективности и произвола, решительный поворот к действительности [2]). У Канта, как учил Гегель, сознание, правда, являлось законодателем, но его формы, его категории были выведены еще произвольно, их внутренняя необходимость не была доказана. У Фихте весь миропорядок был перемещен в область субъективного, так как все было предоставлено нравственному решению. В противоположность этому Гегель исходит, как и Кант, из факта сознания. В известном смысле его точка зрения, таким образом, представляет собою возврат к позитивизму Канта, но, правда, лишь для того, чтобы сейчас же отклониться в сторону метафизики. Ибо в то время, как у Канта факт сознания играет роль только в начале его учения, следовательно служит лишь исходной точкой его критики познания, у Гегеля он становится

---

[1]) Фр. Энгельс, Ранние произведения, изд. Г. Майером, стр. 167.

[2]) На это я впервые обратил внимание в моем произведении „Маркс, как мыслитель“, 1908, 2 гл.

исходной точкой самого появления мира и исходной точкой движения, в котором познание является лишь заключительным звеном всего этого процесса. „В феноменологии духа“, говорит сам Гегель, „я проследил сознание в его поступательном движении от первого непосредственного противоречия с вещью вплоть до абсолютного знания. Этот путь проходит через все формы отношения сознания к объекту, и своим результатом имеет понятие науки“ [1]). Но эта новая метафизика представлялась решающей загадку бытия и смысла последнего. Ибо в ней мышление понималось не как готовое сознание, в качестве какого оно, видимо, противопоставлялось у Канта столь же законченному миру вещей, а как движение, которое в своей внутренней закономерности порождает из самого себя как вещи, так и в конечном счете сознание о вещах. Если у Фихте история и ее развитие к все большей свободе и самосознанию являлись этическим процессом, то здесь все это развитие приняло характер объективности абсолютной логической необходимости. И в гегелевской философии опьяняло и пленяло то обстоятельство, что этот желанный прогресс к свободе и разумности уже не зависел от нравственной субъективности, а необходимо порождался из логической закономерности духа, из движущих сил абсолютного разума. „Мировая история“, гласит знаменитое положение в введении к философии истории, „представляет собою прогресс в сознании свободы, прогресс, который нам надлежит познать в его необходимости“. Всякий произвол и субъективность должны отступать перед лицом такой точки зрения: то было, как Гегель превозносил свое учение, истинное превращение метафизики в логику.

Но эта логика уже не есть старая формальная логика, которая являлась лишь совокупностью норм, средством для доказательства, а не для приобретения нового познания. Эта логика вообще не имеет уже ничего общего с нормами или доказательствами; она

---

[1]) Гегель, Наука логики, I т., Введение, стр. XI.

отождествилась с самим движением мировой жизни и потому является одинаково как действием, так и мышлением. Мало того, она как раз вскрывает необходимость того, как и когда мышление должно переходить в действие, как и когда действие должно осуществлять требования мышления. Она называется просто логикой, потому что все это пропитано и направляется необходимостью разумного, т.-е. логического. В гегелевской логике осуществляется великая идея об единстве теории и практики, необходимости и свободы. „Необходимо“,—говорит Гегель,—„разумное, признанное нами законом, и свободны мы, поскольку мы следуем разумному, объективная и субъективная воля таким образом примирены [1]).

Эти величественные идеи о логически необходимом осуществлении теории в истории, о совпадении объективного разума с субъективными стремлениями освободившегося сознания не в малой степени содействовали тому, чтобы сделать философию Гегеля выражением всех революционных стремлений и чувств своей эпохи. Но гегелевская система давала также большую возможность консервативного толкования ее, и это произошло уже в учении самого ее создателя. Ибо тот факт, что Гегель признавал завершенным развитие абсолютного духа в том состоянии умственном, политическом и социальном, какое было достигнуто в его эпоху, так что прусское государство представлялось ему уже, как достаточно разумное существование человечества, резко противоречил его вообще революционной притягательной силе. Не вполне реакционным должно было явиться то толкование гегелевской точки зрения, какое в буквальной вере в слова учителя объявляло все существующее разумным и при этом забывало, что в гегелевском смысле действительность и разумность представляют собою взаимно обусловливающие понятия, так что всякая действительность утрачивает этот характер, если только она перестает быть разумной. Такое отступление должно было вести к

[1]) Гегель, Философия истории, 1837, стр. 46.

стремлению формально сохранить, даже оправдать и провозгласить священным все существующее и отвергать всякое развитие ссылкой на то, что оно прерывает „естественный, органический“ рост, игнорирует „историческую индивидуальность и обусловленность“ существующего [1]).

Период после смерти Гегеля (1831) заполнен борьбой между этими двумя направлениями, из которых каждое ссылалось на учителя и которые в форме ожесточенных философских дебатов собственно представляли собою лишь борьбу новых политических и социальных жизненных потребностей с неподвижными и ставшими невыносимыми оковами унаследованных мировоззрений и общественных форм. Поэтому борьба возгорелась в первую очередь в такой области, которая на первый взгляд казалась лежащей совершенно в стороне от всех жгучих интересов дня, в области теологической. Ибо здесь критика старой ортодоксии, включение священной истории в закономерность развития духа, вскрытие зависимости священных истин от характера и высоты достигнутой исторической ступени развития сознания,—одним словом, растворение вечных ценностей религии в истории,—все это означало радикальнейшее разрушение глубже всего утвердившихся авторитетов, покоющегося на тысячелетних традициях и на дорогих сердцу впечатлениях детства авторитета божественного управления миром.

Ведь стоило поколебать этот последний, и утрачивал святость всякий другой авторитет, теряло опору всякое другое правительство, так что критика уже не должна была бы питать к нему почтение и останавливаться перед ним. Творческие умы той эпохи как бы охватывает новое опьянение свободой, они переживают

---

[1]) Несколько сурово, но ярко освещая двусмысленность исторических выводов из гегелевской философии, говорит Герман Коген: „Пожалуй, ничто в домартовскую эпоху не содействовало так презрительному отношению к философии, как реакционные слова Гегеля: действительность разумна и разумное действительно“. Введение к 7 изд. Истории материализма Ланге, стр. 46.

в области духа новый 1789 год; двадцатипятилетие после смерти Гегеля представляет собою удивительную эпоху. Бродит и шумит в немецких головах, пылают и усиленно бьются немецкие сердца, развертывается богатство идей и чувств, создается литература такой глубины содержания и такой красоты формы, что это делает эту эпоху навеки одним из наиболее привлекательных умственных культурных периодов, как ни отталкивающа его внешняя, сохраняемая Меттернихом и Священным союзом внешняя политическая форма. В эту именно эпоху Д. Фр. Штраус и Фейербах выковывали свое оружие против церкви и старого государства; тогда, воспламеняя и обвиняя, звучали стихи Гейне, Ленау и Платена; тогда именно молодая Германия во главе с Берне устремилась с пафосом нравственного негодования, но также и с насмешкой и нравственным превосходством против всех проявлений отсталости и насилий современности. На эту пору пришлась юность Энгельса, и она увлекла его с собою в свой бурный идейный водоворот, в который он сам устремился бурным вихрем. Он сам писал тогда об этом времени: „Молодая Германия отошла в прошлое, появилась младо-гегельянская школа, Штраус, Фейербах, Бауэр, „Ежегодники“ привлекали к себе всеобщее внимание, борьба принципов в полном разгаре, речь идет о жизни и смерти, христианство поставлено на карту, политическое движение заполнило собою все...“ [1]).

Но младо-гегельянская школа, бывшая движущей силой всего этого движения, развязала движение, которое должно было повести далеко за границы теологической и философской критики. Она на деле приступила к осуществлению революционной программы Гегеля и установлению в становящемся все более сознательным историческом процессе единства теории и практики, мышления и бытия, разума и действительности. Но она могла выполнить это лишь высвобождая это истинное содержание учения Гегеля из его метафизики, следовательно, приступив к преодолению самой

[1]) Фр. Энгельс, Ранние произведения, стр. 188.

гегелевской системы. Пророчески писал Энгельс своему другу молодости Вильгельму Греберу, не будучи еще сам гегельянцем, но уже чувствуя громадную притягательную силу этого мышления: „Тот, кто хочет напасть на гегелевскую школу, должен быть сам Гегелем, создающим вместо нее новую философию“ [1]).

И действительно, младо-гегельянцы Маркс и Энгельс, не являясь новыми Гегелями, все же создали при помощи гегелевского духа новое учение, которое впервые должно было придать действительное значение социальному содержанию гегелевской философии.

---

[1]) Фр. Энгельс, Г. Майера, стр. 61.

III.

Поворот к социализму.

Когда Энгельс двадцатилетним юношей сделался гегельянцем, он пережил уже бурное развитие, полное самого тягостного сомнения и внутренней борьбы. Как и для Маркса, о чем свидетельствует известное юношеское письмо последнего к отцу, так и для Энгельса, система Гегеля указывала выход из лабиринта остающихся без ответа вопросов и из мучительного бездорожья. Если Меринг, еще до опубликования ранних произведений Энгельса, писал, имея в виду внутреннее спокойствие и уравновешенность, с какими выступил перед нами Энгельс уже в „Немецко-Французских Ежегодниках“: „Если бы у нас было больше сведений о молодом Энгельсе, мы едва ли нашли бы в них так много следов внутренней борьбы, как это показывают первые шаги духовного развития Маркса“ [1]), то теперь мы видим как раз обратное этому. Ибо Маркс совсем и не переживал глубочайшего из всех духовных кризисов, освобождения из оков догматической веры, которая являлась не только внешним принуждением, но вместе с тем сковывала юного Энгельса, будучи ощущаема им, как глубокая внутренняя религиозная потребность. Это делает юношеское развитие Энгельса, которое теперь после работ Г. Майера стало возможным проследить, имеющим гораздо больший, чем чисто биографический интерес: в этом развитии, в борящейся за свое самопознание юношеской душе воспроизводятся

[1]) Маркс и Энгельс, Литературное наследство, т. I, изд. „Мир“, 1907, стр. 318.

за короткий период, в быстрейшей и интенсивнейшей последовательности, точно следуя биогенетическому основному закону, все фазы развития, которое проделал его век от умственной неподвижности пиэтизма до свободы и самоопределения социализма. Совершенно прав Энгельс, заметив как-то о самом себе, что он „воспроизвел в своем собственном сознании последние стадии развития германского духа“ [1]).

Мы не можем прослеживать здесь все эти стадии развития, что делает основательным образом недавно появившаяся биография Энгельса, написанная Г. Майером [2]). Восторженное отношение к требованиям политической демократии, порожденное в нем в Берне, „этим великим борцом за свободу и право“, этим „Иоганном Баптистом нового времени“ (стр. 193), заимствование от Д. Фр. Штрауса, „великолепного парня“, нового оружия в борьбе за свободу духа, все большая привлекательность для него идей Гегеля, этой „колоссальной системы“, которые в конце-концов „всецело захватывают его“, защита в союзе с младо-гегельянцами новой философии и гордое сознание того, что „не мало семян из твердой семенной коробки системы великолепно принялось в юной груди“ (стр. 163), — все это представляет собою целую цепь бурного духовного развития, совершающегося с такой быстротой, полнотой и внутренней последовательностью, какие редко можно встретить в подобном прекрасном и гармоническом сочетании в развитии жизни мыслителя. Но мы пропустим все эти ступени развития до того момента, когда вся эта умственная работа выходит из чисто философской сферы, в которой она до того замыкалась, и совершает великий, чреватый серьезными последствями, поворот, который кажется отказом от прежнего пути, разрывом с прошлым, — поворот к социализму. Но мы увидим, что и этот поворот совершается с пол-

---

[1]) Ранние произведения Фр. Энгельса, стр 193.

[2]) См. по этому поводу мою статью о ранних работах Энгельса в „Путеводителе“, очерки из умственной истории социализма, изд. Дитца.

ной внутренней последовательностью, что он совсем не означает разрыва с философией, а на самом деле являлся лишь логическим выводом из этой философии, как это всегда подчеркивал сам Энгельс и как он, будучи уже зрелым мыслителем, с гордостью указывал в предисловии к своему сочинению „Развитие социализма от утопии к науке".

Поворот к социализму совершился в том самом пункте, в каком произошло и преодоление Гегеля. Ибо последнее состояло не в том, что Гегель „был просто отодвинут в сторону", как сообщал впоследствии сам Энгельс, а в том, что его великие идеи превратились в непосредственную действительность. Чрезвычайно показательно в этом отношении, что Энгельс в своей статье „Эрнст Мориц Арнд" признает Берне и Гегеля теми двумя людьми, которые преимущественно воздействовали на создание современного германского духа. Нам сразу становится понятным, что имеется при этом в виду, если рядом с Гегелем, великим творцом политической теории, понимание истории которого впервые дало ключ к пониманию жизни и истории государств и народов, историческая роль Берне характеризована тем, что он является „человеком политической практики" (стр. 144). А „задача нашего времени состоит в завершении взаимного проникновения Гегеля и Берне" (стр. 146). Таким образом, великая руководящая идея Энгельса, которая сперва привела его к Гегелю, а теперь должна была увести от него и дальше его, сводилась к единству теории и практики. Недаром еще до своего гегелевского периода он писал уже в своих юношеских письмах: „То, что отбрасывает наука, не должно существовать и в жизни" (стр. 66).

Для того, чтобы правильно уразуметь совершенно своеобразное значение гегелевской философии для теории марксизма, следует не упускать из виду один момент, который, правда, для современного ходячего представления о Гегеле покажется очень странным, даже парадоксальным. Это представление видит в гегелевской философии вершину беспочвенного умозре-

ния. В глазах Маркса и Энгельса она являлась совершенной противоположностью этому. Их обоих с такой силой привлекала,—я уже подробно указал на это в другом месте [1]), — именно определенная реалистическая тенденция гегелевской философии, ее попытка вскрыть и понять действительность, как необходимость. Так, Энгельс в одном месте признает особенным преимуществом Гегеля, что „он питал невероятное почтение к объективности, ставил действительность, существующее гораздо выше, чем субъективный разум личности, и даже требовал от последнего признать разумность объективной действительности" (стр. 190). А в своем известном сочинении в защиту Гегеля „Шеллинг и Откровение" [2]) он восхваляет преимущества гегелевской логики, которая исключает всякий произвол умозрения или построений, характеризуя ее в следующих словах: „она не развивает, а предоставляет идеям развиваться самим, и мыслящий субъект играет чисто случайную роль простого зрителя" (назв. соч., стр. 30).

Впрочем, в этом сочинении мы видим, как преодоление гегелевской метафизики подготовляется тем, что мистическое движение абсолютного мирового духа переносится в земную сферу духа человеческого,— преобразование, которому, как известно, содействовал Фейербах. Уже совершенно в духе Энгельса, автора „Анти-Дюринга", говорится в весьма важном месте работы против Шеллинга: „Вывод новейшей философии, который со всей остротой впервые осознал Фейербах, сводится к тому, что разум может существовать попросту лишь в качестве духа и притом только в природе и с нею, и не ведет какую-то обособленную, бог весть где, самостоятельную жизнь" (стр. 22). Таким образом, для Энгельса уже здесь гегелевская метафизика превращается в систему реальной зако-

---

[1]) „Маркс, как мыслитель", Берлин, 1908, стр. 11 и сл.

[2]) Полное заглавие книги, появившейся анонимно, таково: „Шеллинг и Откровение, критика новейшей реакционной попытки против свободной философии". Лейпциг, 1842, изд. Роб. Биндер.

номерности, звеньями которой являются природа и дух, находящиеся в неразрывном взаимодействии, благодаря чему становится возможным превращение теории в практику и все большее проникновение природы отпечатком духа. Если Маркс спустя несколько лет написал известные слова, которые с правом можно признать революционным девизом марксизма: „Философы лишь истолковывали различным образом мир, а дело заключается в том, чтобы изменить его“,—то у Энгельса мы читаем здесь положение, в котором следует видеть прямое предвосхищение этой мысли и вместе с тем программу его собственного, быстро совершающегося превращения в коммуниста. „Вся философия до сих пор ставила себе задачей понять мир, как нечто разумное. Но что разумно, то, конечно, и необходимо, что необходимо, должно быть или по крайней мере сделаться действительным. Это мост к великому практическому делу новейшей философии [1]).

И это практическое дело, эти политические последствия Энгельс видит прежде всего в создании и распространении нового сознания, самосознания человечества. Он не говорит еще о классовых противоречиях и классовом сознании, так как понятие о сознании человечества представляется еще для него тем направлением, в каком впоследствии его должно будет повести классовое сознание пролетариата. В качестве самого могущественного средства к пробуждению этого сознания он снова и снова превозносит диалектику Гегеля, „ту грандиозную диалектику, ту постоянно движущую вперед силу, которая толкает к новому развитию и возрождению отдельные понятия, точно они являются нечистой совестью их несовершенства и односторонности...“ Ибо диалектика эта „не что иное, как сознание человечества в чистом мышлении, сознание всеобщего“. Таким образом, в ее развертывании развивается само человечество к ее все большей свободе и реальности своего существования“.

---

[1]) Фр. Энгельс, Шеллинг и Откровение, стр. 13.

В этом выдвигании нового сознания обнаруживается уже здесь та самая точка зрения, какую спустя несколько лет Маркс возвестил в качестве программы их нового общего направления в „Немецко-Французских Ежегодниках". В самом деле, кажется, будто мы слышим самого Маркса, когда читаем у Энгельса: „Гегель является тем человеком, который открыл новую эпоху сознания, завершив старую". Если Фейербах упрекает его в том, что он еще глубоко погрязает в старой эпохе, то он должен подумать о том, что осознание старого является уже новым, „что старое именно благодаря тому отходит в область истории, что его вполне осознают" [1]).

Таким образом, для Энгельса это новое сознание было отнюдь не чисто теоретическим делом, оно имело значение для уничтожения старой оболочки ставшего ложным сознания старого мира. Уже в юношеских письмах он как то пишет: „Разве вы не замечаете, что буря бушует в лесах и опрокидывает все отжившие деревья, что вместо старого, сданного в архив мира чорта появился критически-спекулятивный чорт, который имеет массу последователей?" Еще яснее чувствует он впоследствии, в сочинении против Шеллинга, политически более далеко действующее и освобождающее значение своей новой точки зрения, сознание которой должно быть вынесено наружу в мир. „Новая заря занялась, заря мирового исторического значения... Вслед за чрезвычайной длительной борьбой и порывами, над людьми занялся ясный день самосознания... Самосознание человечества—это новый Грааль, у трона которого во всякое время собираются народы... Наше призвание в том, чтобы стать рыцарями этого Грааля, опоясаться мечами и с радостью отдать свою жизнь в последней священной войне, после которой утвердится тысячелетнее царство свободы" [2]). И этот гимн

---

[1]) „Шеллинг и Откровение". стр. 52. У Маркса: „Наше дело вывести на свет божий старый мир и положительно создать новый", Лит. насл. Маркса и Энгельса, I, изд. „Мир", стр. 330.

[2]) Энгельс, Шеллинг и т. д., стр. 53 и 54.

господству самосознания человечества заканчивается строками, которые странно волнуют нас в настоящее время, захватывая нас, как прозрение будущего, в котором это новое сознание пробудилось в виде усиленного в миллионы раз классового сознания пролетариата для исторической творческой жизни". „Видите ли вы, как с горных вершин веют наши знамена? Видите ли, как блестят мечи наших товарищей, как сверкают острия их шлемов? Они идут, идут из всех долин, со всех вершин, они устремляются к нам с пением и призывным звуком рогов, близится день великого решения, битвы народов, и победа в ней должна остаться за нами" (стр. 54).

Так с помощью сильного влияния религиозной критики Фейербаха, „Сущность Христианства" которого появилась незадолго перед тем (1841 г.), Энгельс приступил к преобразованию гегелевской метафизики, мистического движения абсолютного духа в историческое движение человеческого сознания. Но им еще владело чисто идеологическое понимание этого исторического движения, он еще видел в развитии, совсем по-гегелевски, лишь самостоятельное движение идей, хотя последние уже были перенесены у него из потустороннего мира абсолютного духа в земной мир человечества. Но мышление Энгельса, неустанно стремившееся к усвоению исторической реальности, не могло на этом успокоиться. И потребовалось лишь более близкое соприкосновение с этой исторической действительностью, потребовалось лишь получить более полное представление о сущности современности, чем это было возможно при неразвитости отношений Германии, чтобы почти само собою разумеющимся явился этот шаг к образованию нового сознания, каким и завершилось преодоление гегелевской идеологии. Этот шаг сделало возможным первое пребывание Энгельса в Англии, где перед миром громадных, еще нигде не наблюдавшихся в столь грандиозном развитии социальных сил, английской промышленности и аглийского пролетариата, произошло превращение философии гуманизма в научный коммунизм. Но быстрота, с кото-

рой совершился этот умственный процесс и какой еще и в настоящее время изумляет нас, лишь доказывает, что на этот путь Энгельса привели действительно выводы из его философии. Сущность учения Гегеля — превращение истории в выражение самосознания — можно было осуществить не иначе, как получив ясное представление о том, откуда возникает сила, способная придать значение искони подавленному и угнетенному сознанию. Так общее понятие о человеческом сознании вообще расщепилось на новое представление о противоположном и враждебном содержании сознания различных групп этого человечества. И действительной основой этого различия—об этом наглядно свидетельствовала противоположность политического сознания английских имущих и неимущих классов—оказались интересы, простые, экономические жизненные интересы. Так движение человеческого духа оказалось перенесенным во взаимную борьбу этих групповых интересов, и действительным носителем осуществления гегелевской программы разума явилось классовое сознание бедных, нуждающихся, необразованных, которые должны были стремиться к уничтожению своего положения социальной неразумности. Теперь Энгельс постиг „замечательный факт", составляющий этическое значение классовой борьбы и еще в настоящее время остающийся непонятным столь многим критикам марксизма, что „чем ниже стоит данный класс в обществе, чем необразованнее он в обычном смысле слова, тем ближе он к прогрессу, тем больше его будущность. В общем таков характер всякой революционной эпохи"..[1]). С познанием этого пролетариат, его сущность и его задача, его возникновение и его развитие отныне начинают играть решающую роль в мышлении Энгельса, и вместо гегелевского преобразования сознания движением духа выступает у него идея о преобразовании общества социальной революцией, социализмом.

---

[1]) Ф. Энгельс, Ранние произведения, стр. 255.

IV.

Первый набросок марксизма.

Произведения Энгельса за время его первого пребывания в Англии [1]) отличаются совершенно новым отпечатком и переносят нас в совершенно другую сферу из той, в какой мы до сих пор вращались. Мы уже не дышем разреженным воздухом высот философского умозрения, мы не следим уже за движениями и борьбой голых идей, а буквально спускаемся на жесткую почву фактов и сразу оказываемся в самом водовороте движений и борьбы социальных интересов, и, конечно, не для того, чтобы стать ослепленной и увлеченной им жертвой, а чтобы со все более отчетливым пониманием разглядеть его и овладеть им. Сразу уже показывается нам в этих статьях столь близкое нам, благодаря позднейшей деятельности Энгельса, лицо, лицо марксизма, учение о классовых противоречиях и классовой борьбе, о материалистическом понимании истории и о необходимости уничтожения социальной революцией частной собственности на средства произ-

[1]) Имеются в виду: 1. Корреспонденции в „Рейнской Газете" и „Швейцарском Республиканце", 2. Статья в Оуэновском „Новом Нравственном Мире" о „Социальной реформе на континенте", 3. Работы в „Немецко-Французских Ежегодниках" и 4. Статьи о „Положении Англии" в парижском „Вперед". Произведения, указанные в п. п. 1 и 4, перепечатаны в изданном Г. Майером томе ранних работ Энгельса, в п. 3—напечатаны в „Литературном наследстве", т. I, наконец, статья в Оуэновском журнале в „Neue Zeit", год XVIII, т. I и частью в „Кампф", год VII, стр. 159 и сл.

водства. Мы в изумлении видим в этих гениальных статьях марксиста Энгельса еще до его близкого знакомства с Марксом, видим его в качестве первого представителя тех идей, какие, правда, во всей их глубине должен был развить лишь Маркс, но какие в ту пору с такой ясностью и полнотой не развил еще и он сам. Вспомним, что ведь Маркс в ту пору писал в „Рейнской Газете", что он „не признает даже теоретической ценности за коммунистическими идеями в их современной форме, не может, следовательно, ни желать их практического осуществления, ни даже считать их возможными [1]; и даже еще в своих программных письмах, которыми открывались „Немецко-Французские Ежегодники", он объявлял коммунизм „и весь социалистический принцип" проблемой, которую предварительно надлежит критически исследовать. И если даже в „Критике Гегелевской философии права", в статьях „К еврейскому вопросу" он приходит уже к тем же выводам, что и Энгельс, к тому, что буржуазная революция принесла только политическое, но отнюдь не общественное освобождение, и что носителем последнего может быть только класс, „который не может себя эмансипировать, не эмансипировав себя от всех других сфер общества и вместе с тем все другие сферы общества [2],—пролетариат,—то все же у него нельзя еще найти ту поразительную связь этого исторического освободительного процесса с экономическим строением капиталистического общества, какую так подробно устанавливал Энгельс. Маркс и в этом пункте, как и в отношении к коммунизму, пока дошел лишь до указания проблемы. „Отношение промышленности",—пишет он в „Критике Гегелевской философии права", — „вообще мира богатства, к политическому миру есть главная проблема нового времени [3]. Мы не умаляем вели-

---

[1]) К. Маркс и Фр. Энгельс, Литературное наследство, т. II, стр. 247.

[2]) „Литературное наследство", т. I, стр. 352.

[3]) Там же, стр. 345.

чия Маркса, если замечаем, что решение этой главной проблемы, материалистическое понимание истории, было ему преднесено в его первых выразительных набросках громадной наблюдательностью Энгельса. Но самостоятельное значение гения Энгельса и его величие ярко выступят перед нами, если мы установим, как велико его творческое участие в заложении основ марксизма и с какой готовностью, с каким забвением о самом себе он отходит в тень перед более великим вкладом гения Маркса. И можно лишь присоединиться к суждению Меринга о взаимоотношениях Маркса и Энгельса в эту пору, когда он пишет, что „все же в их молодости в той области, где в конце-концов надо было дать и где действительно был дан решительный бой, Энгельс являлся дающей стороной, а Маркс — берущей [1]). Попытаемся же углубиться в блестящий до-

---

[1]) Фр. Меринг, Карл Маркс, „История его жизни", рус пер., Госиздат, Напротив, Г. Майер в своей в других отношениях превосходной биографии Энгельса в этом пункте не оценивает его самостоятельного значения, поскольку отказывает ему в способности к синтезу и систематическому развитию своих идей. На стр. 186 своей книги Майер говорит: „Его сделало данником Маркса то обстоятельство, что он встретил у него тот поразительный дар синтеза, какой у него отсутствовал: он сам мог доставить кирпичи, помочь при чертеже общего плана, но совершенно не был бы в состоянии сам построить здание, жить в котором он испытывал сильнейшую потребность, ибо для него всегда оставалось ненавистным отсутствие умственного крова". Надеюсь, мне удастся в дальнейшем показать, с какой поразительной силой синтеза Энгельс уже до своего сотрудничества с Марксом набросал общий план здания марксизма и как впоследствии оно было воздвигнуто лишь в результате неразрывной совместной умственной работы его творцов, Маркса и Энгельса. Напротив, я вполне соглашаюсь с Майером, когда он превозносит уверенность Энгельса, его „удивительное умение быстро ориентироваться и гибкость, которые служили надежным компасом этому полусамоучке и указали ему правильный путь через все умственные течения его времени...". Именно это умение изумительно быстро ориентироваться сказалось в повороте Энгельса от гегельянства к коммунизму. Только я вижу в этом не „природный охотничий инстинкт, который быстро схватывает существо и уже не выпускает из рук", как выражается Майер,

кумент о рождении марксизма Энгельса, чтобы увидеть, как коммунизм не только сразу же выступил в образе новой теории, поставившей на место конструктивной метафизики индуктивную науку, но как он в то же время являлся философией, которая у Энгельса должна была вести, как к своему выводу, к этому коммунизму.

Новая точка зрения, владеющая мышлением Энгельса во всех его произведениях этой эпохи и открывающая ему в богатом изобилии новую область экономического познания, выражается в идее о необходимости социальной революции. Она возникает в нем, как мы это еще увидим, в виде вывода из его философии и его жизненного опыта. Впрочем, необходимость социальной революции еще не рассматривается им в строгой причинной связи с процессом экономического развития, что выпало лишь на долю Маркса. Она является у него здесь еще только программой, но уже такой, которая основывается уже не просто на этически-философских или демократически-политических требованиях, но выводится с помощью совершенно нового метода из изучения экономической природы государственной жизни. Снова и снова встречаем мы выражение той мысли, что известные до сих пор формы революции совершенно недостаточны, чтобы достичь основной цели всех революций: самоосвобождения человека и превращения его истории в движение к свободе и самопознанию. Во Франции революция приняла политическую форму, в Германии — философскую, но нигде она не привела к действительному освобождению. „Только социальная революция есть истинная революция, в которую должны вылиться

а как раз ту гениальную способность синтетического познания, которая позволила ему уже в юношеские годы выделить из бушующего моря социальной, политической и умственной борьбы того времени те элементы, на которых Маркс возвел дальнейшую постройку, и которая в конце его деятельности привела его к великой систематизирующей работе „Анти-Дюринга“ и „Фейербаха“.

революции политическая и философская“ [1]). Эту социальную революцию Энгельс видит уже в Англии совершающейся, и под нею он понимает, с одной стороны, фактический переворот в экономических условиях жизни общества, обусловливаемый развитием промышленности и пролетариата, а с другой стороны — осознание этого развития и превращение этого сознания в революционную волю к коммунизму. Но то обстоятельство, что этот коммунизм одновременно и самостоятельно, хотя и каждый раз в другой форме, проявился у трех передовых культурных народов, у англичан, французов и немцев, несмотря на различие форм их национальной жизни, приводит Энгельса к принципиальному выводу, что „коммунизм не представляет собою результата каких-либо... национальных условий, а является необходимым следствием, порожденным современной цивилизацией фактов“ [2]). Установлением этого факта обосновывается та точка зрения, по поводу которой Энгельс впоследствии писал: „для того, чтобы сделать социализм наукой, надо было прежде всего поставить его на реальную почву [3]).

Но каковы же были факты, созданные современной цивилизацией? Энгельс объясняет их на примере Англии, где эта цивилизация в ту пору наиболее всего развилась, и усматривает их прежде всего в капиталистической крупной промышленности. „Революционизирование английской промышленности (введением машин) является основой всех современных английских отношений, движущей силой всего социального развития. Его первым следствием было... повышение интереса к владычеству над человеком. Этот интерес овладел только-что созданными промышленными си-

---

[1]) Ранние произведения Фр. Энгельса, стр. 267 (Положение Англии); русский перевод, во многом неточный, некоторых из работ Энгельса из этого тома издан под заглавием: „О возможности социальной революции в Англии. Письма из Англии“, изд. „Буревестник“, Краснодар, 1923, цит. место см. стр. 33 и сл.

[2]) „Neue Zeit“, 28 год, I т., стр. 427.

[3]) Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, стр. 18.

лами и использовал их для своих целей; промышленные силы, по праву принадлежащие человечеству, стали благодаря вмешательству частной собственности монополией немногих богатых капиталистов и средством для порабощения масс. Торговля втянула в себя промышленность и стала благодаря этому всемогущей, превратилась в общую скрепу человечества; всякое личное и национальное общение превратилось в торговое общение, и, что сводится к тому же, собственность, вещь, стала владыкой мира" [1]). Таким образом, капиталистическое производство, эгоистический, преследующий лишь обогащение интерес и стремящаяся к монополии собственность представляют собою неразрывно связанное целое. Но этим не исчерпывается своеобразие этих присущих современной цивилизации фактов. И если бы цивилизация была лишь миром обогащения, то, может быть, она являлась бы презренным миром, но все же выгодным для всех. И здесь Энгельс подводит к низинам этой цивилизации, на пороге которых имущие классы тогда еще беззаботно проводили свою жизнь, вскрывает присущие ей классовые противоречия. Уже в корреспонденциях в „Рейнскую Газету" Энгельс пишет: „Ибо хотя промышленность обогащает страну, она создает в то же время быстро увеличивающийся класс неимущих, обедневших до нищеты, живущих со дня на день, класс, который затем уже не может быть уничтожен, потому что он не в состоянии приобрести прочного имущества... малейший застой в торговле лишает значительную часть этого класса хлеба, тяжелый промышленный кризис отнимает хлеб у всего этого класса" [2]).

В этом „создании промышленностью пролетариата" Энгельс видит важнейший результат XVIII столетия в Англии. Существование и возрастание этого класса порождает борьбу между капиталом и трудом, которая

---

[1]) О возможности соц. революции и т. д. Изд. „Буревестник", стр. 41.

[2]) О возможности соц. революции и т. д., стр. 15.

непрестанно питает все бедствия цивилизации. И это отделение капитала от труда завершается, как говорит Энгельс в своих „Очерках критики политической экономии", „раздвоением человечества на капиталистов и рабочих, раздвоением, которое обостряется с каждым днем и... должно постоянно усиливаться" [1]).

И поскольку капиталистическая частная собственность сделалась таким образом очевидным средством расслоения общества, Энгельс уже здесь разоблачает всю ее антисоциальную природу. Частная собственность покоится исключительно на заинтересованности в сохранении и умножении имущества. Но этот „интерес по существу субъективен, эгоистичен, частный интерес. Необходимым последствием возведения интереса на степень орудия связи человечества, поскольку интерес остается непосредственно субъективным, просто эгоистическим, является всеобщая раздробленность, сосредоточение индивидуумов на себе самих, изолированность, превращение человечества в скопление взаимно отталкивающихся атомов" [2]). Все снова Энгельс возвращается к этому уничтожению всех „корпоративных, национальных и вообще специальных интересов" частной собственностью. Из этого абсолютного обособления всех членов общества, из этой бессвязности их труда может возникнуть лишь всеобщая взаимная борьба. „Другими словами... так как частная собственность изолирует каждого в его собственном суровом одиночестве и так как каждый все-таки имеет тот же интерес, что и его сосед, то землевладелец относится враждебно к землевладельцу, капиталист к капиталисту и рабочий к рабочему. В этой вражде одинаковых интересов именно ради их одинаковости завершается безнравственность нынешнего состояния человечества, и этим завершением является конкуренция [3]). Энгельс понял решающее и чреватое серьезными последствиями значение конкуренции. Уже

---

[1]) Литературное наследство, 1 т., изд. „Мир", стр. 394.
[2]) Энгельс, О возможности соц. революции и т. д., стр. 38.
[3]) Литературное наследство, т. I, изд. „Мир", стр. 395.

в первых статьях для „Рейнской Газеты“ он анализирует сущность промышленного государства и находит, что оно может держаться на раз достигнутой высоте только непрерывным повышением своей промышленной производительности [1]), что порождает столь же непрерывную внешнюю и внутреннюю конкуренцию, а в „Очерках“ и т. д. он пишет: „Конкуренция пронизала все наши жизненные отношения и завершила взаимное порабощение, в котором ныне находятся люди. Конкуренция—великий стимул, всегда подталкивающий к деятельности наш стареющий и дряхлеющий социальный порядок, или вернее, беспорядок, но при всяком новом напряжении пожирающий и часть падающих сил“ [2]).

Эти характерные свойства капиталистического способа роизводства ведут к двум дальнейшим основным фактам: во-первых, к тому, „что при обычных уже условиях крупный капитал и крупная земельная собственность поглощают мелкий капитал и мелкую земельную собственность—отсюда централизация собственности... Эта централизация представляет собою закон, свойственный частной собственности... Средние классы обречены на постепенное исчезновение, так что в конце-концов мир будет делиться на миллионеров и нищих, крупных землевладельцев и бедных поденщиков... результат этот должен наступить и наступит, если его не предупредит полное преобразование социалных отношений, слияние противоположных интересов, отмена частной собственности“ [3]). А второе следствие состоит в том, что конкуренция в силу своей непланомерности и безграничности периодически ведет к большим торговым кризисам, которые в течение 80-ти лет наступали так же правильно, как прежде большие эпидемии,—и приносили с собой больше бедствий, безнравственности, чем те [4]).

---

[1]) „О возможности“ и т. д., стр. 14.
[2]) Литер. наследство, I, стр. 405.
[3]) Там же, стр. 404.
[4]) Литературное наследство, I, стр. 397.

Все эти ужасные бичи социальной жизни: безграничная конкуренция, концентрация собственности, обострение и усиление противоречий между имущими и неимущими, капиталом и трудом, наконец, кризисы с их все разрушающей беспощадностью, — все это является следствием атомизации общества, произведенной частной собственностью и вытекающей из него безсознательностью участников процесса производства и потребления: „если бы производители, как таковые, знали, сколько нужно потребителям, если бы они организовали производство, распределяли его между собою, то колебания конкуренции и ее тенденция к кризису были бы невозможны. Начните производить сознательно, как люди, а не как рассеянные атомы, не имеющие сознания своей родовой общности, и вы станете выше всех этих искусственных и невыносимых противоположностей“ [1]).

Таким образом, эта экономическая критика сводится уже здесь у 24-х летнего, еще совершенно предоставленного самому себе мыслителя, к основной идее марксизма, которую, правда, во всей ее глубине суждено было развить лишь „Капиталу“ Маркса,—к познанию общественного характера экономических явлений. Мало того, мы слышим уже здесь отголосок знаменитой идеи Маркса о фетишизме, окутывающем экономическое явление благодаря игнорированию их общественного характера и признанию самостоятельного значения за человеческими отношениями, которые складываются на их основе,—слышим его в следующих строках статьи о „Положении Англии“: „Возводится на трон собственность, как естественный, материальный элемент, противостоящий человечному, духовному, а в последней инстанции, чтобы завершить это овеществление, владыкой мира делаются деньги, овеществленная, пустая абстракция. Человек перестал быть рабом человека и сделался рабом вещи, извращение человеческих отношений завершено“ [2]).

[1]) Там же, стр. 397.

[2]) Ф. Энгельс, „О возможности соц. революц.“, стр. 38.

Конечно, Энгельс многое заимствовал в своей критике конкуренции у Фурье, в своей критике частной собственности—у Оуэна и французских социалистов, но здесь нам важны не отдельные критические мысли, а создание на основе всего познания нового понимания хода прогресса, который Энгельс понимал до сих пор только в гегелевской форме, как самостоятельное развитие духа из самого себя, создание новой теории истории. И эта последняя была ничем иным, как материалистическим пониманием истории. В рассмотренных произведениях Энгельса, написанных до сотрудничества с Марксом, мы находим уже не только в изумительном изобилии и поразительные по зрелости зародыши экономической критики марксизма, но и зачатки великой, характеризующей всю систему марксизма социальной теории материалистического понимания истории.

Как сильно понимание отдельных экономических явлений и обусловленное этим проникновение в сущность свойственной капитализму классовой борьбы повлияли уже на выработку целостного мировоззрения, охватывающего всю совокупность политического и культурного развития, свидетельствует яркое изображение английской демократии в ее классовой структуре, блестящее разоблачение лицемерия и враждебности народу английского конституционного устройства, критика учения Мальтуса о народонаселении, а также и культа героев Карлейля. Но эта новая точка зрения требует сознательного выражения. И Энгельс находит его опять-таки в новом великом познании необходимости социальной революции. Если до сих пор политическая, религиозная, философская революция придавала принципам по крайней мере кажущееся первенствующее значение, признавала их главной движущей и решающей силой, то назревание социальной революции в Англии ярко вскрыло теперь действительное положение вещей. Правда, как раз при рассмотрении этого развития Энгельс высказал мысль, которая в ушах дюжинного противника империалистического понима-

ния истории звучит так, как будто Энгельс в ту пору был еще совершенно чужд этому учению, даже отрицательно относился к нему. Мы читаем в самом начале, первой корреспонденции в „Рейнскую Газету", что „так-называемые материальные интересы никогда не выступают в истории, как самостоятельные руководящие цели, они всегда, сознательно или бессознательно, служат основному началу, направляющему нити исторического прогресса" [1]). Однако, кто понимает материалистическое понимание истории так, как в действительности формулировали его Маркс и Энгельс, а не так, как оно упрощено в вульгарном понимании его противников, а также и иных сторонников, тот знает, что эта теория никогда не проповедывала, будто экономические интересы могут влиять на ход истории, не определив предварительно руководящие идеи людей, и что поэтому приведенная фраза молодого Энгельса выражает лишь ту же мысль, какую он высказал впоследствии в „Людвиге Фейербахе", следовательно, в лучшем его изложении материалистического понимания истории. Он там писал: „В головах людей непременно отражается все то, что побуждает их к деятельности, но как отражается,—это зависит от обстоятельств" [2]). Что именно таков смысл этой фразы, подтверждается с полной очевидностью дальнейшим местом в той же статье, где Энгельс говорит о различной роли принципов в прежних революциях и в социальной революции. „Эту революцию начнут и проведут не принципы, а интересы; лишь из интересов могут развиться принципы" [3]). Энгельс, как известно, неоднократно главную заслугу в создании материалистического понимания истории приписывал своему другу Марксу. Но если все же он однажды, правда, лишь мимоходом, пишет, что не может отрицать, что уже до своего сотрудничества с Марксом

---

[1]) „О возможности соц. революции", стр. 12.

[2]) Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах, пер. с предисл. и примеч. Плеханова, изд. ВЦИК, Москва, 1918 г., стр. 64.

[3]) „О возможности" и т. д., стр. 17.

„самостоятельно содействовал" обоснованию теории [1]), то мы видим теперь, до какой степени скромно это указание. Конечно, у него еще много недостает для той грандиозной картины с необходимостью совершающегося экономического развития истории, какую нарисовал лишь Маркс благодаря открытию им закона капиталистического развития. Связь между идеей и интересами у Энгельса все еще рисуется в свете логического следствия политического суждения, а не в свете причинной необходимости исторической массовой воли. Но здесь уже налицо сосредоточение внимания на тех пунктах, исходя из которых единственно возможно было нарисовать эту новую картину истории: на экономических интересах, в конечном счете определяющих принципы, идеи, на классовом положении людей, порождающем их интересы, на классовых противоречиях и классовой борьбе, являющихся движущими силами истории, и на сущности капиталистического способа производства, решающей направление этой экономической борьбы.

Именно последний момент устанавливал внутреннюю связь этой новой теоретической точки зрения Энгельса с его философским образом мыслей, владевшим им до сих пор; он даже являлся как бы логическим следствием последнего. Именно тот факт, что эти экономические интересы в результате своего эгоистического проявления должны были вести через победу угнетенного класса в сферу всеобщей свободы и из состояния общественной бессознательности в состояние гармонического самосознания, — заставил Энгельса видеть в коммунизме цель и завершение гегелевской философии. „Раз принцип приведен в движение", — говорится в „Очерках критики политической экономии", — „он сам собой пробьет себе дорогу ко всем своим последствиям, будут ли они нравиться экономистам или нет. Но экономист сам не знает, какому делу он служит. Он не знает, что со всем своим эгоистическим резонерством он образует лишь звено в цепи

[1]) Людвиг Фейербах, стр. 56, примечание.

общего прогресса человечества. Он не знает, что с уничтожением всех индивидуальных интересов он прокладывает лишь дорогу великому перевороту, навстречу которому движется век, — примирению человечества с природой и самим собою“ [1]). Этот взгляд на внутреннюю связь между новым учением и старой философией представлял собою нечто большее, чем простое субъективное мнение. В нем содержался, как это мы сейчас увидим, дальнейший зародыш современного социализма, первые признаки его превращения из утопии в науку.

---

[1]) „Литературное наследство“, I, стр. 388.

V.

Коммунизм — лишь вывод из философии.

Немцы пришли к коммунизму через философию, поскольку оставались в ней на принципиальной почве[1]). Эта мысль в статье о прогрессе социальной реформы на континенте в „Новом Моральном Мире“ (1843) чрезвычайно показательна для того, как сам Энгельс пришел к коммунизму и как с самого начала он усматривал в нем не политическую, а теоретическую точку зрения[2]). В чем же состояла та принципиальность, которая привела от философии к коммунизму? По этому поводу Энгельс высказывался неоднократно в своих произведениях того времени, не дав, правда, систематического изложения своего взгляда, но тем не менее достаточно полно, чтобы мы могли попытаться обобщить эти разрозненные замечания и придать им законченный вид.

В первой статье о положении Англии Энгельс выясняет роль XVIII столетия, как столетия развития и соби-

---

[1]) „Neue Zeit“, 28 год изд., I, стр. 427—428.

[2]) В связи с этим см. слова Энгельса в написанном вскоре после того предисловии к „Положению рабочего класса в Англии“: „Немецкий социализм и коммунизм исходил больше, чем какой-либо иной, из теоретических предпосылок; мы, немецкие теоретики, еще слишком мало знали о действительном мире, чтобы действительные отношения могли непосредственно побуждать нас к реформированию этой плохой действительности. Во всяком случае, из известных сторонников таких реформ почти ни один не пришел к коммунизму иным путем, как через Фейербаховское преодоление гегелевского умозрения“. 4 немец. изд., стр. 31.

рания наук. „Мысль об энциклопедии характерна для XVIII столетия: она покоилась на сознании, что все науки находятся между собою в связи...“ [1]). Завершением науки явился материализм. Но при этом в борьбе с односторонностью христианского спиритуализма лишь выдвигалась другая односторонность. Дух и материя были непосредственно противопоставлены друг другу. „Восемнадцатое столетие не разрешило великого противоречия, которое с самого начала занимало историю и развитие которого составляло историю, – противоположности между субстанцией и субъектом, природой и духом, необходимостью и свободой“... [2]). Разрешить это противоречие старалась со времени Канта германская философия и, казалось, завершила эту задачу в лице Гегеля, который соединил природу и дух в одной величественной системе. „Никогда еще с тех пор, как мыслят люди, не существовало такой всеобъемлющей системы философии, как система Гегеля. Логика, метафизика, философия природы, философия духа, философия права, религии, истории, — все это было приведено в одну систему, все это сведено к одному основному принципу“ [3]). Этим основным принципом была диалектика, саморазвитие идеи, которое вело к непрестанному видоизменению и развитию; но как раз в этом пункте гегелевская система оказывалась непоследовательной, ибо она хотела положить предел этому вечному развитию, видя его завершение в себе самой. Этим, писал Энгельс, будучи еще восторженным гегельянцем, объясняется все, что в философии религии Гегеля слишком ортодоксально, в его учении о государстве слишком псевдо-исторично. „Принципы всегда независимы и свободомыслящи, выводы—этого не отрицает ни один человек—тут и там консервативны, даже реакционны“ [4]).

---

[1]) Фр. Энгельс, О возможности социальн. революции и т. д., стр. 34.

[2]) Там же, стр. 34.

[3]) Фр. Энгельс, „Германия и Швейцария“ (продолжение статьи из „Нов. Моральн. Мира“), напечатана в „Камф“, 7 год, стр. 165.

[4]) Фр. Энгельс, „Шеллинг и Откровение“, нем. изд., стр. 8.

Непоследовательность эта могла быть устранена лишь собственным методом гегелевского мышления, который оградил бы его от догматического окостенения. „Система казалась неуязвимой извне и была такою в действительности. Взорвать ее можно было лишь *изнутри*, и могли это сделать только те, кто сами были гегельянцами“ [1]). Таким образом, великая задача младогегельянской школы состояла в полной победе под знаменем учителя над ним самим.

Вспомним же, что обусловливало глубокое действие гегелевской философии, какое она оказывала на наиболее живые умы и самую энергичную молодежь; это действие обусловливалось тем, что она попыталась понять *действительность в ее необходимости*, и, таким образом, являлась развитием в сторону самопознания эпохи и самоосвобождения из неразумного принуждения и безвольной сумятицы истории. Энгельс неоднократно превозносил философию Гегеля, как философию самопознания и автономности. Но именно в этом пункте оказывалась несостоятельной школа младогегельянцев с ее вождями Бруно Бауэром и Руге, как радикально ни выступала она. Она испугалась перед необходимостью решительно сделать все политические и социальные выводы, каких повелительно требовала эта философия никогда не останавливающегося по-истине революционного самоосвобождения, прежде всего по отношению к существующим силам старого сознания в церкви и государстве. Атеизм и республиканизм, отрицание сверхчеловечности божества и нечеловечности земных владык — таковы были ее лозунги. Но было недостаточно лишь *высказать* все это в философской форме, следовало также осуществить все это против церкви и государства в их конкретном господствующем виде. Однако, не только эта нерешительность политической позиции заставляла Энгельса упрекать младогегельянцев радикального направления в недостаточной последовательности, не она

---

[1]) „Кампф“, 7 год, стр. 166.

имела для него решающее значение. Побуждало его к этому убеждение, что младогегельянская школа остановилась не только на полдороге к действию, но и на полдороге к познанию. Ибо надлежало познать, что церковь и государство совсем не являются крайним пределом свободы самоопределения и преобразования исторического бытия людей в сознательную и целесообразную разумность, т.-е., выражаясь по-гегелевски, в сторону господства идеи. Лишь только внимание от внешних жизненных форм церкви и государства обратилось к их внутренней общественной обусловленности, лишь только стал обнаруживаться экономический фундамент, на котором зиждется религия и политика, — сразу ясно встали перед глазами социальные пределы свободы и самосознания. Но вместе с тем оказалось, что они остались еще совершенно незатронутыми остротой критики, как бы радикально ни выступала она против бога и правительства, и потому наряду с чисто религиозной и политической до сих пор формой революции теперь выдвинулась идея социальной революции, как действительно революционной формы, впервые осуществляющей освобождение духа. Социальная революция означала уже не переворот просто в политической — правовой внешней стороне общества, т.-е. лишь в государственной области, а в самих основах всего существующего строя, т.-е. в области общественной. Социальной революция становилась лишь при том условии, если она была направлена на изменение всех тех общественных условий, которые препятствуют свободному и одинаковому развитию всех членов общества, и прежде всего на устранение всех экономических монополий, а следовательно, и корня последних—частной собственности. Итак, познание этого, а не голая фраза Бруно-Бауэровской критики самосознания всего существующего, являлось в данный исторический момент последней и необходимой фазой философии и развития человеческого сознания, — познание того, что „глубокая революция, основывающаяся на общности собственности, стала

ные настоятельной и неизбежной необходимостью“ [1]). Таким образом, гегелевская философия у Энгельса завершается отрицанием частной собственности буржуазного общества. Ибо только в результате уничтожения двух главных опор господствующего экономического порядка,—частной собственности и конкуренции,—может быть ликвидирована раздробленность и бессознательность общественной жизни и общественный труд подчинен сознательной планомерности всего общества, а это представляет собою единственный путь, на котором действительно можно достичь гегелевскую цель развития—жизнь в свободе и самосознании. И потому то, что писал тогда Энгельс против Карлейля, относилось также ко всем тем, кто не хотел еще признать эту необходимость отмены частной собственности: „Карлейль понимает недостаточность конкуренции, спроса и ввоза, служения маммоне и проч. и всего менее склонен признавать абсолютную справедливость земельной собственности. Но почему он не сделал из всех этих предпосылок простого заключения и не отверг частной собственности вообще? Каким образом думает он уничтожить „конкуренцию“, „спрос и ввоз“, „служение маммоне“ и проч., раз существует корень всего этого — частная собственность? „Организация труда“ тут не поможет; без известного тождества интересов она даже не может быть осуществлена. Почему бы не продумать последовательно, не признать тождественность интересов единственно достойным человека состоянием и тем положить конец всем трудностям, всей неопределенности и неясности?“ [2]). Преодоление частной собственности здесь представляется уже не отдельным революционным партийным требованием наряду с другими подобными требованиями, но необходимым в данный момент выводом идейного направления, дающего философское понимание временности, и потому эта необходимость не может оставаться без философского объяснения и обоснования.

---

[1]) „Neue Zeit“, 28 год, I, стр. 427.
[2]) „Литературное наследство“, I, стр. 430—431.

„Немцы“,—пишет Энгельс в „Новом Моральном Мире“,—„философская нация, они не хотят и не могут изменить коммунизму, раз только он покоится на здравых философских основаниях, и, в особенности, если он представляет собою неустранимое следствие их собственной философии. И такова задача, лежащая на нас: наша партия должна доказать, что если всем философским переворотам немцев от Канта до Гегеля не суждено оказаться бесполезными или еще хуже, чем бесполезными, они могут завершиться лишь коммунизмом; что немцы должны или отречься от своих великих философов, которые составляют их национальную гордость, или же признать коммунизм“[1]).

Если мы, основываясь на сказанном, представим себе все, что привело Энгельса к коммунизму, мы поймем, почему столь решающее значение для молодого Энгельса имела идея, что коммунизм представляет собою вывод из немецкой философии[2]). Недаром Энгельс и в дальнейшем, как известно, с гордостью оставался верен этому мнению. Это, как мне кажется, обусловливается тем, что в данном пункте дело заключается не в субъективной истине, т. е. не в истине, имевшей только биографическое значение для личного развития Энгельса, а в объективном факте, коренящемся в самой сущности научного социализма. Гегелевскую философию характеризовали в первую очередь два момента:

---

[1]) „Кампф“, 7 год, стр. 166.

[2]) Следует иметь в виду, что слово „коммунизм“ у Энгельса, равно как и у Маркса, означает в усвоенной ими в ту пору терминологии то же самое понятие, какое мы привыкли обозначать словом „социализм“. Впоследствии Энгельс сам отказался от такого словоупотребления, какое мы видим еще в основном творении современного социализма — в Коммунистическом Манифесте; об этом свидетельствует как „Анти-Дюринг“, так и в особенности заглавие знаменитой брошюры „Развитие социализма от утопии к науке“. Мотивы первоначального словоупотребления Энгельс подробно изложил в предисловии к Ком. Ман. Они коренились исключительно в партийных обозначениях 40-х г.г. и не свидетельствовали, как это пытаются доказывать ныне, о каком-либо принципиальном противопоставлении социализма соц.-дем. коммунизму Маркса и Энгельса.

стремление ее теории выражать лишь действительное движение вещей, ставшее сознательным, и признание этого движения закономерным развитием, направляемым в конечном счете познанием последнего. Таким образом, выводом этой философии были две великие руководящие идеи: идея о единстве теории и практики и идея о научном воздействии на историческое развитие.

На фоне обеих этих великих идей, воспламенявших весь революционный пыл века, коммунизм в том виде, как его понимал Энгельс, действительно представлял собою реализацию этих смелых требований гегелевской философии. Ибо идеи эти у Гегеля должны были оставаться только требованиями,—пойти дальше им мешало метафизическое основание, на котором они строились. Правда, единство теории и практики казалось у Гегеля даже само собою разумеющимся, так как его учение в том и состояло, что всякая действительность есть выражение данной ступени развития абсолютного духа и что поэтому всякое изменение духа должно непосредственно проявляться на практике, т.-е. выражаться в изменении внешних отношений. Но это единство представляло собою непрекращающееся чудо; оно становилось понятным лишь при наличности веры в совершенно произвольное допущение, а именно в господство и вмешательство такого абсолютного духа. Но вот теперь вместо этого мистического духовного принципа выступили на сцену реальные идеи людей, и вместе с тем оказалось, что последние тоже не с неба попадают к ним в голову, а порождаются вполне определенными социальными условиями существования. Эти идеи, таким образом, оказывались ничем иным, как выражением определенных интересов и стремлений людей, и теория, учившая понимать их развитие, могла лишь сводиться в отношении прошедшего—к выяснению социальных причин этих идей, а в отношении настоящего—к вскрытию действующих причин, откуда само собою вытекал тот вывод, что сознательная деятельность для создания новых причин, ведущих к лучшему будущему, не только возможна, но и необходима. Так

здесь устанавливалось в строгом смысле слова единство теории и практики, так как первая являлась лишь познаваемым предвидением последней. Это в первую очередь заставляло Энгельса видеть в коммунизме лишь следствие из своей философии: коммунизм как раз открывал ему это единство теории и практики. Ведь сам коммунизм тоже являлся таким закономерным (каузальным) познанием прошедшего и настоящего общественной жизни, причем развитие из последней коммунизма приобретало характер причинной необходимости. Таким образом, коммунизм, как мы уже видели, не являлся уже отдельным требованием революционной программы наряду с другими требованиями, не являлся уже вообще простым партийным требованием, он даже выходил за пределы чисто политической сферы: он выступал теперь в качестве необходимого результата реального развития, поскольку оно в лице пролетариата достигнет самосознания. Процесс этот, как казалось Энгельсу, совершается с возрастающей скоростью. Единство теории и практики становилось с этого момента столь же само собою разумеющимся, как и у Гегеля, но переставало быть иллюзией, поскольку теория воспринималась единственно действительно творческим в истории элементом, воспринималась общественно действующими людьми.

Вторым и решающим моментом, заставлявшим Энгельса видеть в коммунизме лишь логический итог гегелевской философии, явилось то, что коммунизм в таком понимании представлял собою лишь новую науку, свое название воспринявшую от цели, к которой направлено развитие, от цели коммунизма. Эта новая наука, которая отныне должна была проливать свет на историю и направлять политику, была наукой об общественной жизни. Она впервые сделала истинной великое предвосхищение Гегеля — теорию, долженствующую соединять историю и политику, т.-е. познание прошедшего и воздействие на будущее. Но она могла сделать это лишь постольку, поскольку на место самостоятельной закономерности развития

абсолютного духа поставила законы развития человеческого общества и самопознание гегелевского процесса превращала в сознание ставших исторически необходимыми политических задач. Такая теория, действительно, была призвана руководить общественной практикой, которая даже сделалась уже невозможной без нее. Она ведь в той же мере вытекала непосредственно из проявлений общественной борьбы своей эпохи, в какой хотела воздействовать на них. Эта теория, таким образом, служила прямой основой для политики, которая хотела не только быть случайным проявлением силы, но систематически использовать и толкать вперед существующие тенденции развития. Потребность в такой теории для политической деятельности Энгельс живо ощущал с самого начала. „Пока наши принципы“,— пишет он в 1844 г. в своем первом письме к Марксу,— „не будут развиты—в двух-трех книгах,—и не будут выведены, логически и исторически, из предшедствующего мировоззрения и предшествующей истории, как их необходимое продолжение, вся эта работа останется половинчатой и большинство наших будет блуждать, как в потемках“ [1]). И теперь мы понимаем, почему Энгельс должен был считать свою коммунистическую точку зрения, как теоретическую, принципиально стоящей выше всех остальных современных политических программ, что значил его упрек современному ему демократическому радикализму, о котором он писал: „Он шел от практики к теории и ничего, таким образом, не достиг; поэтому мы начнем с другого конца и попытаемся от теории проникнуть в практику—готов поспорить, на что хотите, что таким путем мы в конце-концов подвинемся дальше“ [2]).

История блестяще подтвердила слова Энгельса. На указанном им пути можно было продвинуться дальше и мы, действительно, продвинулись дальше: на этом пути возник научный социализм. Его основы заложила в первую очередь грандиозная умственная

---

[1]) Переписка Маркса и Энгельса, т. I, стр. 1.
[2]) Ранние произведения Энгельса, стр. 177.

работа К. Маркса, но не малую роль в приступе к этому творческому труду и в его выполнении сыграла гениальная работа следопыта, выполненная Энгельсом. Ибо столь кристалльно ясные и с такой наглядностью объясняющие историко-экономическую действительность статьи Энгельса являлись для Маркса, тогда еще ведшего тяжелую борьбу с гегелевской идеологией, как бы откровением его собственных стремлений и исканий. Это объясняет также ту изумительную быстроту, с какою они оба, оставшиеся чуждыми друг другу после первой мимолетной встречи в 1842 г., при второй встрече в 1844 г., когда „гениальный" политико-экономический очерк Энгельса успел уже оказать свое влияние на Маркса, вступили в интимную дружбу, которая должна была связать их на всю жизнь и повести к сотрудничеству, подобного какому по интенсивности и взаимности вряд ли знает история человеческого духа. В задачу, которую мы себе здесь поставили, не входит описание этого сотрудничества. Да это значило бы написать историю марксизма и рабочего движения до самой смерти Маркса. Нам остается еще, после того, как мы попытались показать, в чем состоял вклад Энгельса в марксизм до его сотрудничества с Марксом, выяснить также, в чем сказалась его особая теоретическая работа в марксизме.

VI.

Влияние Маркса.

Когда мы читаем произведения Энгельса периода незадолго до Коммунистического Манифеста и вскоре после него, нас поражает мастерство в применении материалистического понимания истории, которое не уступает Марксу. Тут перед нами прежде всего великолепная, еще и ныне захватывающая книга о „Положении рабочего класса в Англии“ (1845 г.), которая впервые противоположность между имущими и неимущими из предмета морализующей и сантиментальной декламации сделала объектом экономического познания необходимости этой противоположности. Анализ оуэновского социализма, чартистского движения, английской официальной политики качелей традиционных парламентских партий, даваемый в этой книге, столь же блестящ и поучителен, как и экономический анализ, произведенный впоследствии Марксом в его „18 Брюмера“ и вскрывающий подоплеку французской партийной борьбы того времени. И прежде всего смела уже руководящая мысль, ныне, конечно, ставшая для нас чем-то само собою понятным, — взгляд на переворот в английской промышленности, как на незримую экономическую революцию рядом с стоящей на исторической авансцене политической революцией 1879 г. И прямо захватывает, хотя в настоящее время еще слишком мало оценивается, изображение им того, как изобретения, которым обязана своим беспримерным развитием машинная промышленность, явились резуль-

татом стремления буржуазии по возможности избавиться в своих предприятиях от беспокойного рабочего элемента, т.-е. вместо легко поддающихся недовольству и делающихся требовательными работников из плоти и крови обзавестить в своих мастерских „железным человеком", как назвал машину фабрикантский философ Юр [1]). Вполне понятно, что при новом издании этой книги в 1892 г. Энгельс мог сказать об этой работе молодости, что ему „отнюдь не приходится стыдиться ее", а также и то, что уже много раньше этого К. Маркс, как раз во время отделки первого тома „Капитала", писал Энгельсу по поводу этой книги: „Что касается главных положений твоей книги, то они до самых мелочей подтверждаются развитием после 1844 г.... перечитывание твоего сочинения заставило меня с сожалением почувствовать свои годы. С какой свежестью, с какой страстностью и смелостью и без всяких ученых и научных сомнений здесь трактуется вопрос!" [2]).

Особенно блестящи статьи 1847-го года из „Немецкой Брюссельской Газеты", которые опубликовал частью Меринг в „Литературном наследстве", частью Рязанов в австрийском журнале „Кампф". До сих пор еще лучшим, что написано по этому вопросу, ставшему теперь столь злободневным, остаются страницы в статье Энгельса „Начало конца Австрии", в которой он выводит причины возвышения и упадка империи Габсбургов из изменившегося значения таких природных

[1]) Ф. Энгельс, Положение рабочего класса в Англии, русское изд. „Молот", 1905 г., стр. 182 и след.

[2]) Переписка Маркса и Энгельса, т. III, стр. 127. Впрочем, книга эта встретила заслуженное признание и у специалистов. Бруно Гильдебранд в своей известной книге „Политич. экономия настоящего и будущего" (1848) подверг подробной критике как вышеупомянутый политико-экономический очерк, так и эту книгу, причем говорит об Энгельсе, что он „без сомнения является самым одаренным и наиболее осведомленным из всех немецких писателей по социальным вопросам", и так высказывается о впечатлении, производимом книгой: „Книга вызвала мало шума, но оказала тем большее влияние и вместе с тем служит коммунистическим евангелием фактов, на которые могут опираться все социальные теории".

факторов, как Дунай, Альпы и Богемская пограничная горная область, и эти изменения, в свою очередь, выводит из развития производительных сил [1]). Равным образом статья о „Движениях 1847 года“ содержит в себе чрезвычайно поучительное изображение всеобщности классовой борьбы, несмотря на национальные отличия политического движения в различных странах, и заканчивается уже ясным указанием на неизбежность социализма даже в силу одних лишь успехов его врагов: „Продолжайте же смело свою борьбу, милостивые государи от капитала: Вы нам пока еще нужны, нам даже необходимо в некоторых местах ваше господство. Вы должны убрать с нашего пути остатки средневековья и абсолютную монархию, вы должны уничтожить патриархальные отношения, должны централизовать, вы должны превратить все более или менее неимущие классы в действительных пролетариев, в рекрутов для нас, вы должны в лице своих фабрик и торговых объединений дать нам основу материальных средств, необходимых пролетариату для его освобождения. Вы будете диктовать законы... но не забывайте: палач стоит у дверей!“ [2]). Это та же мысль, какая вскоре после того снова появится в „Коммунистическом Манифесте“; как здесь капитал создает своего собственного палача, так и там он порождает своего собственного могильщика.

---

[1]) Имея в виду известные слова императора Франца: „Я и Меттерних еще выдержим“, Энгельс говорит: „Французскую революцию, Наполеона и июльские бури выдержали, но п а р а н е в ы д е р ж а т ь. Пар проложил себе дорогу через Альпы и Богемский лес, пар лишил Дунай его значения, пар включья разорвал австрийское варварство и этим вырвал почву из под ног Габсбургского дома“ („Кампф“, 6 г., стр. 396). Если даже этому пророчеству Энгельса не суждено было оправдаться так скоро, как надеялся на то его пылкий дух в бурном предреволюционном настроении 1848 года, то все же с прозорливостью, изумительной при отсталости и неразвитости народного хозяйства австрийских земель того времени, он уверенно указал факторы, которые в конце-концов действительно привели к распадению Габсбургской монархии.

[2]) „Кампф“, 6 год, стр. 213.

И, наконец, в статье „Коммунисты и Карл Гейнцен" мы видим идейное развитие Энгельса достигшим той высоты экономического и исторического понимания, какое вообще привыкли связывать лишь с „Коммунистическим Манифестом". Так, Энгельс выступает против ссылки на так-называемые вечные истины, о которых он говорит, что они являются „отнюдь не основой, а, напротив, продуктом общества, в котором они фигурируют". Он даже объявляет грубым незнакомством с сущностью коммунизма мнение, будто последний является следствием уничтожения частной собственности. „Правильно как раз обратное этому. Так как крупная промышленность... принимает столь грандиозные размеры..., так как производительные силы и средства сообщения современного способа производства и обмена ежедневно все более перерастают индивидуальный обмен и частную собственность... именно поэтому частная собственность будет уничтожена" [1]). И тут Энгельс приходит к следующему изложению своей точки зрения еще до „Коммунистического Манифеста", в которой пульсирует вся сила материалистического понимания истории и которая, тем не менее, представляет собою лишь обобщение тех идей, какие он уже излагал в своих статьях о положении Англии: „Коммунизм—не доктрина, а движение, он исходит не из принципов, а из фактов. Предпосылкой для коммунистов служит не та или другая философия, а вся предыдущая история и, в особенности, ее современные фактические результаты в цивилизованных странах. Коммунизм возник из крупной промышленности и порожденных ею последствий, из нарождения мирового рынка, из связанной с ним нестесняемой ничем конкуренции, из принимающих все более бурный и всеобщий характер торговых кризисов, уже теперь являющихся мировыми кризисами, из нарождения пролетариата и концентрации капитала, из обусловленной этим классовой борьбы пролетариата и буржуазии. Коммунизм, поскольку он является те-

[1]) „Камиф", 7 г., стр. 518.

орией, есть теоретическое выражение положения пролетариата в этой борьбе и теоретическое выяснение условий освобождения пролетариата“ [1]). И если мы затем возьмем еще произведения, вышедшие после „Коммунистического Манифеста“, работу о крестьянской войне в Германии, с ее ясным сведением религиозной борьбы к экономическим и социальным интересам сторон, и брошюру „Революция и контр-революция в Германии“, которая долгое время приписывалась Марксу, с ее глубоким экономическим анализом причин неудачи революции 1848 года, — если мы рассмотрим все эти блестящие плоды умственной работы Энгельса со времени его первого пребывания в Англии, если мы в особенности обратим внимание на быстроту развития у него историко-экономической точки зрения, мы безусловно должны будем придти к выводу, что здесь после разрушения школьных формул Гегеля проявился почти элементарно процесс собственного самостоятельного познания, какое выработалось еще под покровом этих формул и лишь укрепилось и развилось при соприкосновении с Марксом благодаря более глубокой, ибо более абстрактной манере последнего развивать те же идеи и глубже захватывать новые экономические взаимозависимости и отношения.

Но это самостоятельное и мастерское применение материалистического понимания истории и иллюстрирование этой теории своим полным силы, одушевленным и всегда наглядным изложением отнюдь не исчерпывает всего своеобразного значения Энгельса в развитии и разработке марксизма. Оно скорее состоит в том, что только Энгельс совлек специальную экомическую форму, в которой представлялось внешнему миру социологическое творение Маркса, и связал его с общим пониманием общества, что он стремился посредством широкой разработки его метода и попытки связать его с современным естествознанием придать марксистскому мышлению характер целостного

[1]) „Кампф“, 7 г., стр. 517.

мировоззрения. Нельзя, конечно, говорить, что такое стремление не было присуще самому Марксу и не проявлялось у него. Мы об этом будем еще сейчас говорить. Но творческое развитие этой стороны марксизма, в силу своего рода почти сознательного разделения труда между Марксом и Энгельсом, было предоставлено последнему.

Для правильной оценки этой заслуги Энгельса необходимо сперва дать себе ясный отчет во всем значении точки зрения Маркса. Следует понять, что совершенно неправильно, как я это пытался подробнее выяснить в другом месте [1]), видеть в Марксе только экономиста. Напротив, он сам смотрел на свою работу, как на преодоление политической экономии, поскольку вскрыл окостенение политико-экономического мышления в застывших основных понятиях, в которых видели не историческое выражение определенных условий общественного развития, а неизменные естественные формы самого общества, которые, сверх того, в своей изолированной вещественности утратили всякий след своего общественного характера. Поэтому-то его работа в области политической экономии началась сочинением „К критике политической экономии", а его главный труд „Капитал" имеет вполне определенный подзаголовок: „Критика политической экономии". Эта критика, это преодоление политико-экономической точки зрения порождены тем же процессом мышления, с каким мы ознакомились уже у Энгельса, и развитие которого у себя Маркс сам не один раз описывал: то было превращение гегелевской философии развития духа в социологию общественного развития. Отсюда большой интерес, постоянно обнаруживаемый Марксом к вопросам метода и логики наук. Это доказывает „Введение в критику политической экономии", а также и предисловие к первому тому „Капитала". Недаром его занимала мысль написать „Логику" [2]), и как раз во время окончания книги „К критике политической

[1]) Макс Адлер, Марке, как мыслитель, 2 изд.
[2]) Переписка Маркса и Энгельса, т. II, стр. 247.

экономии“ он пишет Энгельсу, что снова перелистал „Логику“ Гегеля, которая оказала ему большую услугу в отношении метода обработки материала. „Если бы когда-нибудь вновь настало время, благоприятное для таких работ, я с удовольствием выяснил бы в двух или трех печатных листах в доступном для простого человеческого здравого смысла виде рациональную сторону метода, открытого Гегелем, но и мистифицированного им“ [4]).

Марксу, к сожалению, не удалось выполнить это намерение, но вся его теоретическая работа явилась величественным осуществлением этой мысли. В том и состоит великое теоретическое дело Маркса, что он научил нас понимать историческое развитие не спиритуалистически, как продукт чисто внешних условий, к которым относили также и вещественно понимаемые явления экономического характера, а позитивистически, как продукт общественных сил людей и определенных внешних условий их проявления. Материализм Маркса представляет собою не что иное, как позитивизм современной науки, при котором только и можно было сохранить рациональную сторону гегелевской идеи развития как против его метафизики, так и против метафизики материализма. В качестве программы преодоления Гегеля, такое обращение к общественному человеку мы встречаем, правда, уже у Фейербаха, а у Энгельса, как мы видели, оно уже широко применено. Но получить свое завершение оно могло лишь при условии не отказа от диалектики умственного процесса, а придания ей рациональной формы. Ибо в этой диалектике развертывалось все волшебство идеи развития. Здесь перед глазами возникало новое из внутренних противоречий старого. Здесь в строго логической закономерности развивалось движение духа во все более совершенные формы, и это придавало всему процессу приводящий в энтузиазм характер постоянного и необходимого прогресса. Отказ от диалектики означал поэтому отказ от идеи развития в ее ви-

---

[1]) То же, том II, стр. 235.

димо наиболее научной форме [1]), и возвращение к простой декламации о прогрессе. Таким образом, лишь рационализация этого диалектического развития понятия завершила преодоление гегелевской философии, равно как и обоснование новой науки об общественном развитии. Но это было возможно только путем вскрытия тайны этого развития и обнаружения источника жизненности экономических явлений. И это было выполнено Марксом в его анализе формы стоимости товара.

В мнимо вещественном свойстве предметов обмениваться друг на друга в определенных отношениях, которое обнаруживало замечательную и часто непонятную изменчивость, так что товары, только что составлявшие еще богатство для своего владельца, вдруг оказывались не находящими покупателя и утратившими всякую цену, Маркс вскрыл скрывающееся за ним взаимоотношение людей между собою, в какое они попадают в силу своего положения в общественном процессе труда. Фактическая связанность и несвобода людей при производстве предметов, необходимых для удовлетворения их потребностей, которая в прежних способах производства проявлялась хотя и недостаточно, но все же заметно в виде различных форм господства и эксплоатации, исчезли в индивидуалистической сутолоке капиталистического хозяйства, где каждый, как казалось даже и теоретику, работает как будто на самого себя и владеет хозяйственными субъектами только в форме меновой стоимости, которую загадочным образом придают сами себе предметы и с которою они выступают перед людьми, как нечто данное. Но стоимость, на которую предметы, таким образом, категорически претендуют, в действительности

---

[1]) Я говорю „видимо наиболее научной форме", ибо имеющий несравнимо большее значение, поскольку чисто реалистический взгляд Канта на общественный антагонизм, на „общественную необщественность" человека, как на рычаг общественного развития, тогда еще совершенно не обратил на себя внимания. См. по этому поводу: Макс Адлер, „Путеводитель" и т. д.

является лишь выражением необходимости людей друг для друга. Надо было вернуться к этой взаимозависимости, к ее экономической форме и закономерности, и это породило представление о новом единстве людей, об их единстве в обществе. Общество — вот в действительности то всемогущее существо, какое в виде абсолютного духа вело призрачное существование в гегелевской диалектике, а процесс развития духа оказывался в конечном счете трудовым процессом рода человеческого.

Таким образом, вместо загадочного движения товаров выдвигается общественный процесс труда, в котором они производятся. Понять его в различных формах можно было только в результате анализа формы стоимости и посредством ее результатов: понятий абстрактного общественного труда, прибавочного труда и прибавочной стоимости. Они вскрывают внутреннюю противоречивость в трудовом процессе, которая имеет такое же значение для реального развития общества, как и противоречие для идеального развития диалектики у Гегеля. Они превращают трудовой процесс общества в процесс приложения капитала, которому сопутствует приобретение товарами самостоятельности и олицетворение их. „Превращая деньги в товары, которые служат материальными элементами нового продукта или факторами процесса труда, присоединяя к их мертвому веществу живую рабочую силу, капиталист превращает стоимость, — прошлый, овеществленный, мертвый труд, — в капитал, в самовозрастающую стоимость, в одушевленное чудовище, которое начинает работать, как будто под влиянием охватившей его любовной страсти“ [1]). Но анализ формы стоимости дал не только совлечение вещественной оболочки с экономических явлений. С установлением понятия прибавочного труда оказалось, что наряду с капиталистическим хозяйством он существовал также и при предыдущих формах хозяйства. „Только та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного

[1]) Карл Маркс, „Капитал“, т. I, русск. изд. 1923 г., стр. 166

производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества, например, общество рабства от общества наемного труда“ [1]). Таким образом, становится ясно, что общественный процесс труда не представляет собою раз навсегда данной естественной формы, но что он преобразуется вместе с изменением условий труда и производства. Установив это, Маркс подвергает политико-экономические понятия той критике, которая означает громадный шаг вперед от классической политической экономии и которая заставила рассматривать экономические явления капиталистического хозяйства и прежде всего его отношение меновой стоимости, как простые исторические формы общих социологических закономерностей. В самом деле, как выразился в одном месте Маркс, для понимания капитализма надо было познать лишь одну „новую форму порабощения“ общественного труда, „превращение феодальной эксплоатации в капиталистическую“. Из этого основного положения, что действующие при капиталистическом хозяйстве законы представляют собою лишь формы проявления вполне определенных, исторически обусловленных отношений людей, которые развились из предшествующих им отношений и, в свою очередь, порождают из себя новые отношения, и возникла затем идея о величественном процессе развития, в котором движущей силой являлось уже не логическое противоречие идеи, как у Гегеля, но реальная противоположность интересов различных групп людей, возникших среди этих исторических взаимоотношений. Необходимое развитие духа превращалось, таким образом, в необходимую борьбу умов, которая с такой же необходимостью, как и у Гегеля, порождала прогресс, т.-е. переход к все высшим, устраняющим борьбу интересов общественным формам. Даже тот момент, который придал гегелевской диалектике такую силу, а именно, что она сама собой вела к самосознанию, чтобы затем сознательно продолжать историческое развитие, этот момент у Маркса повторялся в виде социальной необхо-

[1]) Там же, стр. 188.

димости. Ибо теперь труднейшая проблема истории, ее движение в сторону прогресса, разрешалась в целостном процессе экономических факторов, который в силу своих внутренних противоречий ведет к все новому социально-экономическому примирению этих последних, причем это примирение преломляется в сознании людей в виде их политических целей и в конце-концов ведет к той высоте экономического развития, на основе которого вообще возможно планомерное и вообще сознательное руководство общественной жизнью. Как и у Гегеля, так и у Маркса, слепая необходимость исторического бытия превращается в конце-концов в свободу свободного развития, состоящую в том, что объединенные в обществе люди „рационально регулируют свой обмен веществ с природой, ставит его под свой общественный контроль вместо того, чтобы находиться в зависимости от него, как от какой-то слепой силы“ [1]).

Таким образом, великое теоретическое дело Маркса состоит в том, что открытие им законов развития капитализма, в особенности его анализ прибавочной стоимости, сделали возможным объединение обильных элементов экономически-критического познания у Энгельса в теорию истории, в учение о социальном развитии вообще. Ибо только эта абстракция прибавочной стоимости дала возможность понять социальную необходимость классовых противоречий и непримиримости производительных сил с формами производства на основе капиталистической частной собственности, каковые факторы обусловливают прогресс истории [2]).

---

[1]) Карл Маркс, „Капитал“, т. III, 2 отдел, стр. 355.

[2]) См. по этому поводу проливающий яркий свет отзыв о своей работе самого Маркса вскоре после появления I тома „Капитала“ в письме к Энгельсу от 24 августа 1867 г.: „Самое лучшее в моей книге: 1) в первой же главе подчеркнутая особенность двойственного характера труда, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или меновой стоимости (на этой теории покоится все понимание фактов); 2) прибавочная стоимость рассматривается независимо от ее особенных форм, как-то прибыль, процент, земельная рента и т. д. В классической политической экономии рассма-

Но это социологическое содержание учения Маркса у него слишком сильно затушевывается стоящим как будто на первом плане политико-экономическим исследованием. При тщательном изучении оно, конечно, открывается во многих местах его главного труда; но при первом взгляде, а часто и при повторном чтении

триваются эти особые формы, и она постоянно смешивает их с общей формой, отчего получается путаница" (переписка Маркса и Энгельса, т. III, стр. 395, в русск. пер. изд. „Моск. Раб.", стр. 144).—В этой грандиозной силе абстракции научного мышления, при помощи которой понятие о стоимости выделяется из запутывающей сложности и кажущейся бессвязности экономических явлений, как их основная ось, причем лишь в связи с нею находит закономерное объяснение их развитие, состоит не только основной вклад Маркса в политическую экономию и еще больше в социологию, но и его превосходство над Энгельсом. Как уже указано, не большая способность к синтезу, к систематизации, а, напротив, большая способность к анализу, к исследованию и разложению позволила Марксу глубже проникнуть в сущность общества и капитализма. Это доказывает как раз то произведение Энгельса, в котором, как мы видели, содержится уже до Маркса так много из плодотворнейших зародышей теории Маркса,—„Очерки критики политической экономии". В этом произведении, которое Маркс впоследствии охарактеризовал как „гениальный набросок", Энгельс еще совершенно беспомощным стоит перед проблемой стоимости. Он отыскивает „справедливое основание для обмена" и порицает Смита, Рикардо и Сэя за то, что хотя они исходят из абстрактной или реальной стоимости, но выводят не из нее самой, а из фактов обращения. Таким образом, он здесь еще совсем не понимает характера стоимости, как относительного понятия, и в этом пункте следует согласиться с Гильдебрандом в его критике Энгельса, когда он на стр. 167—8 своей книги указывает, что Э. „глубоко ошибается, заставляя политико-экономов искать реальную или абстрактную стоимость всех вещей в противоположность меновой стоимости. Напротив, они старались найти твердое, неизменное мерило и действительные факторы, определяющие меновую стоимость, а след. и возникающую в торговле стоимость". Вернер Зомбарт тоже справедливо указывает на эту недостаточную способность к абстрагированию в вопросе о проблеме стоимости. „Такого определения стоимости",—говорит он в брошюре „Фр. Энгельс",—„как стоимость, есть отношение между издержками производства и потребительностью продукта, не дал бы и 24-х летний Маркс". Впрочем, никто иной, как сам Энгельс, сознавал это основное различие в дарованиях своих и Маркса, и к этому, как мне кажется, сводятся собственно все его отзывы, в которых он объявляет Маркса главным основателем теории научного со-

оно легко остается скрытым для тех, кто вообще не подозревает здесь социологической точки зрения или даже совсем не понимает ее. И тут именно начинается великое дело жизни Энгельса, с самого появления книги Маркса „К критике политической экономии",—неутомимое стремление выяснить методологическое, равно как историко-социологическое значение его идей, совлекши с них их экономическую оболочку, и развить их в систематическое понимание жизни и общественного развития. Вместе с тем он постоянно стремился доказать, что, с одной стороны, эта теория развития во всей строгости его закономерности не отличается принципиально от теории естественных процессов, но что, с другой стороны, эти естественные процессы в свою очередь отличаются тем же диалектическим характером внутренней закономерности, что и явления общественности; из экономической теории Маркса он извлек то великое общее идейное содержание, какое в голове Маркса, несомненно, складывалось в грандиозное целостное понимание природы и общества, но какое он сам на смог во всей стройности изложить. Таким образом, Энгельс явился завершителем марксизма; в двух его главных произведениях—полемической работе против Дюринга, в особенности же в блестящей систематизирующей работе о Фейербахе—перед нами не просто систематизация идей Маркса, но своеобразное творческое приложение их, впервые обосновавшее вместе с исследованиями Маркса то, что мы ныне называем марксизмом.

циализма. В этом смысле очень характерен его отзыв, о котором рассказывает Лафарг. „Конечно, люди во всяком случае пришли бы к пониманию механизма капиталистического способа производства и объяснению законов его развития к меновой стоимости, но это потребовало бы много времени и работа эта носила бы характер не цельный и совершалась бы частями. Только один Маркс был в состоянии проследить все экономические категории в их диалектическом движении, связать моменты их развития с определяющими их причинами и реконструировать здание экономии в ее совокупности в одно теоретическое целое, отдельные части которого поддерживают друг друга". „Личные воспоминания о Фр. Энгельсе" в „Neue Zeit", XXIII, II, стр. 558—9.

VII.

Диалектика у Энгельса.

Энгельс постоянно возвращался к подробному обсуждению и развитию двух идейных комплексов, ставших основными элементами марксизма в той форме, в выработке которой принимал участие и он сам: диалектики и материалистического понимания истории. Относительно последнего это уже достаточно известно, относительно первой—гораздо меньше, так как значение диалектики в общей системе марксизма меньше усвоено и в ней все еще склонны видеть лишь исторический пережиток гегелевской эпохи. Но такой взгляд стоит в резком противоречии с высокой оценкой, какую Энгельс всегда, вплоть до последних своих произведений, давал диалектике [1]). Уже в своей рецензии на книгу Маркса „К критике политической экономии", появившейся в 1859 г., он признает диалектику даже в ее гегелевской форме „величественной концепцией", „прямой теоретической предпосылкой материалистического понимания истории" и добавляет: „Маркс был и есть единственный человек, который мог предпринять эту работу — выделить из гегелевской логики основное ее ядро, заключающее

---

[1]) То же самое относится и к Марксу, который еще в предисловии ко 2 изд. „Капитала" пользуется случаем обстоятельно высказаться в защиту диалектики, „в своей рациональной форме внушающей буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас", как мышление, которое, „по существу своему критическое и революционно".

действительные открытия Гегеля в этой области, и восстановить диалектический метод, освобожденный от его идеалистической оболочки, в том простом виде, в каком одном он представляет собою правильную форму развития идей. Выработку метода, лежащего в основе „Критики политической экономии" Маркса мы считаем по ее значению не уступающей материалистическому пониманию" [1]). Равным образом, в „Анти-Дюринге" Энгельс признает диалектику высшей формой мышления и ее восстановление Гегелем — величайшей заслугой новейшей немецкой философии. В другом, позднейшем месте он говорит о ней: „Материалистическое понимание истории и его специальное применение к современной классой борьбе между пролетариатом и буржуазией оказалось возможным лишь благодаря диалектике" [2]). А в работе о Фейербахе он повторяет мысль рецензии 1859 года, выясняя, как благодаря марксизму гегелевская диалектика, стоявшая на голове, снова была поставлена на ноги, и называя так открытую „материалистическую диалектику" „нашим лучшим орудием труда и нашим острейшим оружием" [3]).

Что же представляет собою эта столь ценимая Энгельсом диалектика и каково, в частности, ее значение для материалистического понимания истории? По внешности она есть только метод, посредством которого разрешается неподвижная противоречивость логических понятий, поскольку вскрывается относительность каждого отдельного познания. Благодаря этому методу, как удачно характеризует его Энгельс, нам не приходится уже „смущаться также и противоположностью между добром и злом, между истиной и заблуждением, между тождеством и различием, между необходимостью и случайностью. С этой противоположностью никак не могло справиться старое, еще и поныне

---

[1]) Ф. Энгельс, Рецензия в журнале „Народ", 1859, № 14 и 16, перепечатана в „Социалист. Ежемесячнике", IV г., стр. 44.

[2]) Ф. Энгельс, предисл. к „Развитию соц. от утопий к науке", стр. 5.

[3]) „Людвиг Фейербах", русск. пер, стр. 58.

очень распространенное метафизическое мышление. Но мы понимаем относительное значение этой противоположности: то, что ныне признается истиной, имеет скрытую теперь ошибочную сторону, которая современем выступит наружу; и совершенно также то, что признано теперь заблуждением, имеет истинную сторону, благодаря которой оно считалось прежде истиной. Мы знаем, наконец, что необходимость составляется из чистейших случайностей, а эти мнимые случайности представляют собою форму, за которой скрывается необходимость, и т. д.“ [1]).

Но диалектика—нечто большее, чем только этот метод мышления, тем более, что уже у Гегеля она являлась не просто методом мышления, но и развитием самой действительности. У Гегеля это подразумевалось само собою, так как здесь мышление и бытие совпадали и бытие вообще развивалось лишь в абсолютном процессе мышления. Метод абсолютного мышления является поэтому вместе с тем и самим ходом вещей. Интересно и для понимания диалектики Энгельса имеет решающее значение то обстоятельство, что это в ней в известном смысле повторяется, хотя исходный пункт у Энгельса совершенно иной, чем у Гегеля, даже противоположный ему. Это объясняется тем, что с точки зрения теории познания такое различие исходных пунктов уже не имеет столь большого значения: ибо в области теории познания Энгельс тоже стоял на метафизической почве, а именно на почве наивного реализма. В соответствии с этим он видел в понятиях лишь более или менее точное воспроизведение, независимо от мышления, существующей действительности, так что и для него диалектика была не только методом, но и таким мышлением, в котором вернее всего отражалась эта действительность. Поэтому и для него диалектика отражала действительный ход вещей, потому что он был убежден, „что в природе сквозь хаос бесчисленных изменений проявляются те же диалектические законы, которые..., проходя красной нитью в

[1]) Там же, стр. 59.

истории человеческого мышления, постепенно уясняются сознанием мыслящего человека“ [1]). Оно может происходить в голове людей лишь диалектически, так, как уже до того диалектически происходит в природе, а голова ведь сама составляет часть природы: „из чего уже само собою явствует, что продукты человеческого мозга, которые ведь в последней инстанции сами являются продуктом природы, не противоречат всему остальному в природе, но соответствуют ему“ [2]).

Так диалектика становится единым, целостным пониманием великой закономерной связи вселенной. Природа и дух вновь объединяются, как и у Гегеля, воедино, только это единство их перестает быть фиктивным, оно дается опытом непрерывного изменения вещей. Великая основная мысль, взятая у Гегеля, состоит в том, „что мир состоит не из законченных готовых предметов, а представляет собою совокупность процессов, причем предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головою мысленные их снимки, понятия, находятся в беспрерывном изменении и то возникают, то уничтожаются“ [3]). Таким образом, действительное содержание диалектики составляет понятие развития.

Но этим еще недостаточно характеризуется своеобразное значение диалектики в системе марксизма; здесь следует отметить еще следующие два существенные момента. У Гегеля диалектика становилась развитием лишь в силу собственной движущей силы мышления, которое должно развиваться во все высшие формы благодаря присущим ему внутренним противоречиям. Это самостоятельное движение, совершающееся в силу присущих ей законов, составляет сущность гегелевской диалектики; и она сохранила этот характер также и у Энгельса. Только у него речь идет о том, чтобы взаимную связь и противоположность элементов понять, как элементы самого реального про-

---

[1]) Ф. Энгельс, „Анти-Дюринг“, русск. пер. изд. Петр. Совета, 1919 г., стр. 11.

[2]) Там же стр. 31.

[3]) Ф. Энгельс, „Людвиг Фейербах“, русск. изд., стр. 58.

цесса развития, так что диалектическое понимание сводится ни к чему иному, как к пониманию вещей „с точки зрения их собственной взаимной связи“ [1]). Таким образом, в самих вещах надлежит вскрыть то внутреннее раздвоение и противоречие, которое не позволяет им застывать в покое, а увлекает их в непрерывном потоке изменений, причем в нем каждой области явлений присуща особая закономерность движения, обусловленная самой сутью дела. Второй момент состоит в том, что такое понимание приложимо не только к явлениям жизни, но также и к столь застывшим и неизменным на взгляд мертвым предметам природы. Крупным недостатком гегелевской диалектики было то, „что она не приписывала природе никакого развития во времени, никакой последовательности, а только сосуществование“ [2]). В противность этому нами должно овладеть сознание, что явления природы, вещи, столь же требуют диалектического понимания, как и история.

Именно здесь специальная заслуга Энгельса в разработке марксистской диалектики, сводящаяся к сближению ее с современным естествознанием. Что он при этом действовал вполне в духе Маркса, доказывает известное место в предисловии к первому тому „Капитала“, где Маркс говорит о том, что намерен рассматривать „развитие экономической общественной формации, как естественно-исторический процесс“; это доказывают далее частые естественнонаучные аналогии, которые Маркс употреблял в „Капитале“, и, наконец, переписка его с Энгельсом, из которой мы узнаем, как неустанно они оба следили за развитием естественных наук даже в самых специальных областях и всегда проверяли его с своей точки зрения. Но опять-таки только Энгельс сумел систематически изложить эту связь развитого Марксом на историко-экономическом материале мировоззрения с естественно-научным мышлением и благодаря этому сделал диалектику тем, чем она с тех пор является в

---

[1]) „Людвиг-Фейербах“, стр. 61.
[2]) „Анти-Дюринг“, стр. 12.

общей системе марксизма позитивистическим мировоззрением об единстве процесса развития в природе и мире идей.

Здесь невозможно подробно останавливаться на том, как Энгельс доказывает, что явлениям природы тоже присущ диалектический характер, так что современное естествознание нигде уже не имеет дела с узаконенными вещами, а видит повсюду перед собою лишь процессы. Достаточно указать на то, что Энгельс для обоснования этого мнения ссылается на тенденцию современной физики объяснить все качества явлений природы их количественными формами движения и что в трех великих открытиях своего времени, в учении о превращении энергии, в клеточной теории организмов и в дарвиновской теории изменчивости видов животных он усматривал подтверждение идеи диалектики о разложении всех кажущихся застывшими форм неорганического и органического мира на ряд совершающихся сообразно собственной закономерности изменений и развитий. И если современное естествознание, оставляя за собою спор сторонников атомистической теории и энергетической теории, идет к тому, чтобы вместо этих последних остатков метафизического мышления поставить лишь констатирование определенных, выражаемых математически отношений явлений между собою, т.-е. к тому, чтобы понимать их лишь в их закономерных функциях, то Энгельс в этом усмотрел бы с полным правом торжество диалектики в том смысле, в каком преобразовали ее он сам и Маркс в орудие научного мышления. Но как далеко, впрочем, сам Энгельс продвинулся на этом пути, доказывает вообще его замечательное письмо к Марксу от 30-го мая 1873 года, основная мысль которого очень близка к основной идее современного естествознания, сводящей все тела, предметы в природе к количественно выраженным взаимным отношениям явлений, в которых уже вообще нет места для субстанции [1]).

[1]) Прекрасно и с большой критико-познавательной отчетливостью обрисовал это превращение застывших понятий о вещах в относительные понятия современного научного мышления

„Сегодня утром"—пишет Энгельс,—„мне пришло в голову следующее диалектическое построение по поводу естественных наук: предмет естественной науки—движущаяся материя, тела. Тела нельзя отделить от движения; формы и виды тел можно познать только в движении. О телах ничего нельзя сказать, не касаясь движений, не касаясь различных отношений к другим телам. Лишь в движении тело обнаруживает, что оно из себя представляет. Естествознание, таким образом, познает тела, рассматривая их в их соотношении друг к другу, в движении. Познание различных форм движения и *есть познание тел.* Таким образом, изучение этих различных форм движения является главным предметом естествознания" [1]). Только в связи с этими строками мы вполне поймем все значение определения диалектики, какое Энгельс дает в „Анти-Дюринге", а позднее повторяет в своем „Фейербахе": „диалектика представляет собою не что иное, как науку о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления" [2]).

При таком понимании диалектики становитея совершенно ясным, какое громадное значение она должна

Эрнст Кассирер в своей книге „Понятия субстанции и функции" (Берлин, 1910), причем он в особенности показывает, в чем состоит это превращение, которое, еще не войдя в методологическое сознание, обусловливает все крупные успехи математики и естествознания.

[1]) Переписка Маркса и Энгельса, т. 4. Русск. изд. „Моск. Рабочий", стр. 229.

[2]) Ф. Энгельс, „Анти-Дюринг". Русск. пер., стр. 126.—Сходство этого энгельсовского, а также и марксовского позитивизма с одной из самоновейших теорий естествознания, а именно с учением Эрнста Маха, я подробно осветил уже в 1911 г. в моей статье „Мах и Маркс", перепечатанной в моих „Проблемах марксизма" (Штутгарт, 4 изд.). В связи с этим см. также расходящееся со мною в теоретико-познавательной оценке Маркса, но согласное в оценке позитивизма Энгельса, весьма отчетливое изложение в книге Фридриха Адлера „Уничтожение Эрнстом Махом механического материализма", Вена, 1918 г., стр. 133 и след.

была иметь как для Энгельса, так и для Маркса. Она просто была их воззрением на природу или, лучше сказать, их мировоззрением, так как в том и состояла, что видела явления мертвой и живой природы в свете общей мировой связи взаимно-проникающих, даваемых опытом взаимоотношений. Диалектика Маркса—Энгельса не представляет собою готовой философской схемы, прилагаемой к вещам, чтобы навязать им определенную форму, она не представляет собою также конструкции мышления, привносимой вещам, она является самоосвещением действительности, естественного процесса в человеческом мышлении. Мышление внедряется в великий организм природы в качестве того особого члена последней, который вместе с тем обладает способностью познавать как этот организм в целом, так и свое внедрение в последний. Оно, как весьма наглядно изобразил это однажды Мах, лишь представляет собою тот узел в запутанной во многих местах сети явлений природы, в котором последние спутались больше, чем в других узлах. Правда, эта предпосылка, из которой исходит Энгельс, а также и Мах, не проверена с точки зрения теории познания. Мы уже знаем, что Энгельс в теоретико-познавательном отношении является наивным реалистом, и в качестве такового он был убежден в том, что диалектика есть лишь наиболее точное воспроизведение „действительности“ явлений природы. Но при всем том он ясно чувствовал решающее значение того, в какой степени критически развит для выполнения поставленной ему задачи сам орган, который должен осуществлять это воспроизведение действительности. Это объясняет его постоянную борьбу против „метафизического“ мышления естественно, научного материализма, погрязавшего в ограниченном эмпиризме. И этим же объясняются полные значения строки в „Анти-Дюринге“ относительно того, как следует понимать диалектику: „К этому пониманию можно придти, будучи к тому вынужденным накопляющимся фактическим материалом естествознания; но его можно легче достигнуть, н е с я н а в с т р е ч у д и а л е к т и ч е с к о м у х а р а к т е р у

этого материала понимание законов диалектического мышления“ [1]).

Но забудем недостаточность теоретико-познавательного фундамента диалектики Энгельса, что вполне возможно, так как она хочет быть не обоснованием знания, а методом последнего. Если мы станем рассматривать ее лишь в ее значении для развития нашего научного опыта, мы увидим теперь, что в сущности она представляет собою не что иное, как выраженную в гегелевских терминах великую рабочую гипотезу современной науки: взгляд на мир, как на развивающееся единство его собственных сил. В своем отрицании всех трансцендентных влияний, в принципиальном ограничении себя познаваемым опытом и положительно устанавливаемым, она представляет собою систему позитивизма, стоящего значительно выше позитивизма Огюста Конта. Ибо система последнего отличалась замечательной ограниченностью: с энтузиазмом превознося идею прогресса, она вместе с тем игнорировала развитие. К тому же идея прогресса выступает у Конта в качестве руководящей идеи только в социологической области, тогда как вся остальная масса явлений природы остается, как и у Гегеля, исключенной из развития; да и сам социологический закон прогресса, знаменитый закон трех стадий, отнюдь не представляет собою закона развития: стадии фетишизма, метафизики и науки следуют лишь одна после другой, но не одна из другой. Позитивизм Конта еще совсем не знал диалектики, и это, наверно, было причиной того, что Маркс отозвался как-то о нем, как о „пошлом позитивизме“, который „в сравнении с Гегелем производит жалкое впечатление“ [2]).

К этому позитивистическому взгляду на природу и мировозрению сводится в конце-концов все, что выдается в марксизме за так-называемый материализм, и притом не только у Маркса, но также и у Энгельса. Я объяснил уже в другом месте, что марксизм, несмотря

---

[1]) „Анти-Дюринг“, стр, 14, русск. пер.
[2]) Переписка Маркса и Энгельса, русск. перев., стр. 203.

на его так-называемое материалистическое понимание истории, не имеет по существу ничего общего с материализмом, и что уже хронологически неправильно ставить его в тесную связь с естественно-научным материализмом, так как последний появился лишь в шестом десятилетия XIX столетия, когда основы марксистского мировоззрения давно уже были закреплены [1]). И здесь Маркс также испытывал потребность, как это явствует из его тезисов о Фейербахе и как он подчеркивает это в отрывке введения к „Критике политической экономии", отграничить свою точку зрения от точки зрения естественно-научного материализма. Но опять-таки выполнение этой задачи досталось на долю Энгельса.

Известно, как энергично Энгельс старался постоянно отмежевать свою точку зрения от точки зрения французского материализма XVIII столетия, равно как и естественно-научного материализма XIX столетия. Два недостатка в первую очередь заставляют Энгельса отвергать материализм в обеих этих формах, как ограниченное мировоззрение. Во-первых, материализм пытается объяснять все чисто механически и таким образом совершенно игнорирует особую природу химических, органических и социальных явлений, „в области которых механические законы, хотя и продолжают, конечно, действовать, но отступают на задний план перед другими, высшими законами". „Вторая специфическая черта ограниченности этого материализма заключается в его неспособности взглянуть на мир, как на процесс, как на вещество, которое находится в непрерывном развитии" [2]). В результате этого естествознание и история у него совершенно отделялись друг от друга, и последняя становилась ареной произвола и случайности. Диалектика, напротив, допускала иное понимание. Люди, усвоившие ее, „решились смотреть на действительный мир—на при-

---

[1]) См. по этому поводу Макс Адлер „Проблемы марксизма" и того же автора „Причинность и телеология", Вена, 1904 г., гл. 11.

[2]) Ф. Энгельс, Л. Фейербах, русск. пер., стр. 43.

роду и историю—без идеалистических очков и видеть в нем только то, что он собою представляет. Они решились без всякого сожаления отказаться от всех идеалистических взглядов, не согласных с явлениями действительного мира, взятыми в их истинной, не фантастической связи. А в этом только и состоит действительный материализм" [1]).

Мы видим, что материализм Энгельса совсем не метафизика, не вопрос о сущности вещей, даже не в том смысле, как могло бы показаться, что он рассматривает мышление, как продукт мозга. Нигде Энгельс не делает своим этот слабый пункт материализма. Для него даже совсем не существует матафизический вопрос о том, порождает ли мышление бытие или, наоборот, бытие порождает мышление; для него вопрос этот превращается в диалектический вопрос о взаимоотношении мышления и бытия, и его решение этого вопроса сводится к тому, что оба эти элелемента опыта находятся в отношении зависимости друг от друга, причем первоисточником их являееся природа; поэтому речь может итти только о выяснении закономерности этого взаимоотношения, в каком дух стоит к вещам в различных областях природы. Мы опять-таки оставляем без внимания не критическое допущение противостоящей мышлению, заранее данной природы. Ибо, не говоря уже о том, что такое допущение, недопустимое для критики познания, в сфере естественных наук даже необходимо, здесь мы хотели бы лишь обратить внимание на то, как и в этой проблеме об отношении мышления к бытию в понимании Энгельса нельзя найти ничего общего с сущностью философского материализма. Ибо последний никоим образом не может удовлетвориться одним лишь неизменным отношением между бытием и мышлением, не отказываясь от самой сущности своей, а именно от взгляда на все явления мира, следовательно и от взгляда на мышление, как на продукт движения материальных элементов. У Энгельса нельзя найти и

---

[1]) Энгельс, Л. Фейербах, стр. 57.

следа такого понимания, но мы опять-таки видим у него голый позитивизм, который рассматривает и эту проблему не философски, а чисто эмпирически, и стремится ее разрешить исключительно с помощью методов научного подхода как к мышлению, так и к бытию. Поэтому для Энгельса правильное понимание этого взаимоотношения подтверждается научно руководимой практикой, на опыте и в промышленности [1]).

Слово материализм значит поэтому у Энгельса фактически то же самое, чего хочет и диалектика, понимание „действительного", т.-е. научно устанавливаемой связи вещей в противоположность лишь предполагаемой, конструируемой. Об этом особенно ясно свидетельствует фраза, в которой Энгельс как-то отзывается о тех, кто преодолел идею о боге тем, что перестал относиться к ней полемически. По поводу этих людей Энгельс говорит: „Они покончили с идеей бога, они живут и мыслят в мире действительности и являются поэтому материалистами" [2]). Итак, сам Энгельс в конце-концов обратил внимание на то, что этот его так-называемый материализм отнюдь нельзя относить к области философии, но это, к сожалению, не оградило его от упорного непонимания со стороны противников, а также и многих сторонников марксизма. В своем „Анти-Дюринге" он вкратце очерчивает превращение первоначального естественного материализма в диалектический, который вобрал в себя все идейное содержание двухтысячелетного развития философии и естествознания, и говорит о нем: „Вообще, он уже не является философией, но просто мировоззрением, которое ищет доказательств и проявляется в реальных науках" [3]). Одним словом, если некоторые безусловные защитники марксизма, как материализма (как, например, Плеханов, Панекук или Гортер), полагали, что хотя Маркс и Энгельс и не стояли на точке зрения метафизического или естественно-

[1]) Энгельс, „Л. Фейербах", русск. пер., стр. 40.
[2]) Энгельс, На международные темы из „Народ. Государства", Берлин, 1894 г., стр. 44.
[3]) Фр. Энгельс, „Анти-Дюринг", русск. пер., стр. 184.

научного материализма, но все же их точка зрения сводилась к диалектическому материализму, то мы видим теперь после точно формулированного определения Энгельса, что этот „диалектический материализм“ фактически представляет собою не что иное, как позитивизм современной научной работы вообще [1]).

---

[1]) Может показаться, что Энгельс все же был более близок философскому материализму, если принять во внимание его предисловие к появившемуся в 1903 г. англ. переводу „Развития социализма от утопии к науке“, под заглавием „Об историч. материализме“, напечатанное в „Neue Zeit“ (XI, 1). В нем мы находим, в целях оправдания обозначения „историч. материализм“, живую и с присущим Энгельсу юмором написанную защиту материализма, как его собственной точки зрения, против британской „респектабельности“, в силу которой одно уже слово материализм „режет ухо громадному большинству английских читателей“. Но именно воспринятое здесь и Энгельсом с ссылкой на рассуждения Маркса об историческом развитии материализма в „Свят. семействе“ сопоставление материализма с Бэконом и Локком доказывает, что в данном случае дело шло лишь о том, чтобы подчеркнуть обоснование науки опытом, как ее единственным источником, и отрицание всех трансцендентных проблем. Здесь также особенно ясно проявляется, что одна из причин, и не из самых маловажных, почему М. и Э. заимствовали название для своего мировоззрения у материализма, состояла в том, что они сами восприняли революционное враждебное отношение философ. материализма к религии и метафизике; как я уже указал в моей книге о „Причинности и телеологии“, момент этот не имеет ничего общего с философской сущностью материализма, а связан лишь с его историч. ролью. Ибо атеистич. или позитивистич. выводы могут быть сделаны также и из системы пантеизма (Спиноза) или спиритуализма (Фихте).

VIII.

Материалистическое понимание истории.

Обрисованное значение материализма и связанной с ним деалектики объясняет, почему Энгельс считал последнюю неразрывной частью материалистического понимания истории, а также и то, что общего имеет он с „материализмом“ этого последнего. Обоснование и систематическое развитие этой великой теоретической руководящей идеи составляет второй пункт, в котором самостоятельно проявилось в марксизме своеобразие ума Энгельса. Мы уже достаточно подробно изложили, в какой мере опровергается собственными теоретическими работами Энгельса до его знакомства с Марксом неоднократно высказывавшееся им мнение, что теория материалистического понимания истории обоснована исключительно или в существенном одним Марксом. Правильно в этом утверждении, конечно, то, что уже столь сильно развитое у молодого Энгельса понимание зависимости идеологической надстройки от экономической структуры общества лишь благодаря совершенному Марксом анализу капиталистического общества превратилось в ту основную теорию развития общества вообще, какая составляет самую сущность материалистического понимания истории и является его главным теоретическим вкладом в новое понимание исторического процесса. Развитие и обоснование с большой ясностью и решительностью именно этой стороны материалистического понимания истории, в силу которой в нем следует видеть не просто экономическое

объяснение отдельных исторических событий и взаимозависимостей, но и общую теорию социального развития, принципиально не отличающегося от развития механического и все же не тождественного ему,— составляет великое дело Энгельса при выработке материалистического понимания истории.

Перед нами здесь такое же расширение горизонта вплоть до охвата всей природы, как это мы уже наблюдали с диалектикой. В самом деле, это понимание истории только потому называется „материалистическим", что оно хочет по отношению к истории провести ту же точку зрения диалектического рассмотрения природы: объяснять ее явления и изменения последних „действительными", т.-е. не воображаемыми, а выступающими в самой истории силами. Поэтому-то Энгельс так охотно сравнивает научное значение этого понимания истории с обоими величайшими достижениями естественно-научного мышления его эпохи, с учением о превращении энергии и теорией Дарвина. И потому проблемой современного материализма в истории он считает признание ее процессом развития человечества, „открытие законов развития которого составляет его задачу" [1]).

Задача эта решается тем, что показывается, как совокупность явлений природы, которую французский и впоследствии естественно-научный материализм всегда представляли себе лишь чисто механической, обнаруживает значительную и весьма важную двойственность, выражением чего и служит как раз материалистическое понимание истории. А именно, „нас окружает не одна природа, но и человеческое общество... Задача поэтому состоит в том, чтобы согласовать с материалистической основой и заново построить на ней здание науки об обществе, т.-е. всю совокупность так-называемых исторических и философских знаний" [2]). Но это значит, что „суще-

---

[1]) Энгельс, „Развитие социализма от утопии к науке", стр. 23.

[2]) Энгельс, „Людвиг Фейербах", русск. пер., стр. 45.

ствует два ряда законов",—законы движения во внешнем мире и законы движения в обществе, т.-е. в воззрениях, представлениях, идеях, волеизъявлениях людей, одним словом, в человеческой мысли [1]). „Ибо все, что побуждает человека к деятельности, неизбежно должно проходить через его голову: даже за еду и питье человек принимается под влиянием отразившихся в его голове ощущений голода и жажды, а перестает есть и пить потому, что в его голове отражается ощущение сытости [2]).

Этим указанием на двойственную форму естественной закономерности, которую он блестяще развивает в своем „Фейрбахе", Энгельс осуществил критическую программу по отношению к материализму, какую наметил Маркс в своих тезисах о Фейербахе, когда писал, что главный недостаток материализма состоял до сих пор в том, что он рассматривал действительность лишь в форме объекта, т.-е., добавим от себя, в виде пассивных явлений, не видя другой ее стороны, поскольку она выступает в качестве субъекта, т.-е. выражается в деятельности. Взгляд также и на деятельность, на самопроизвольные действия человека, как на явление природы, как на „предметную деятельность", говоря словами Маркса, как раз и составляет дело материалистического понимания истории. И заслуга Энгельса в том, что в своей разработке его он выдвинул на первое место этот момент активности и убедительно доказал, что этим дается особая форма явлений природы. Это еще слишком мало оцененное в своих теоретических результатах указание Энгельса на двойственный характер совокупности явлений природы означает громаднейшего значения методологический прогресс в развитии науки об обществе.

Большой ошибкой, часто повторяемой и по сию пору, было смешение единства закономерности в природе с единообразием метода познавания последней.

---

[1]) „Людвиг Фейербах", стр. 58.
[2]) Там же, стр. 46.

Ошибка эта питалась недостаточностью критико-познавательного мышления, особенно отличавшей естественно-научный материализм XIX столетия и позитивизм недавнего прошлого. И все же Огюст Конт в этом отношении держался гораздо более правильного взгляда, выдвигая в своей знаменитой классификации наук тот принцип, что хотя науки опираются одна на другую, но, напротив, отнюдь не выводятся друг из друга. Это значит, что наука в своем развитии захватывает все новые сплетения закономерности природы,—физические, химические, биологические, социологические,—из которых каждое представляет собою какую-нибудь специальную форму естественной причинности, причем изучение последней предполагает свойственные ей особые принципы познания. „Поэтому не одна мировая формула",—говорил я в своей лекции о значении в истории идей материалистического понимания истории,—„решает проблему естественно-научного познания мира, но правильно понимаемая задача этого решения заключается в полноте познания всех различных каузальных форм явлений природы" [1]).

[1]) Напечатано в „Кампф", XII, стр. 693.—Все значение проводимого Энгельсом различения между двумя формами законов природы обнаруживается лишь на почве теории познания. Ибо только теоретико-познавательное обоснование понятия об обществе вполне подтвердило правильность точки зрения Маркса и Энгельса, что естествознание и наука об обществе логически совершенно равноценны и в своей закономерности ни в чем принципиально не отличаются друг от друга; что, следовательно, нельзя признавать каузальной наукой лишь естествознание, объявляя, напротив, социальную науку лишь наукой нормативной; что закономерность и социальной науки тоже должна сводиться только к каузальности, как и в естествознании, с тою только разницей, что социальная причинность отличается иной формой проявления, чем причинность в природе. Но теория познания могла дать такое обоснование социальной науки, только показав, как социальный элемент основывается на особой форме восприятия нашего познания, которая рядом с внешними явлениями природы ставит внутреннюю закономерность общества, причем весь наш опыт делится между этими двумя формами познания. См. в связи со сказанным мою книгу: „Причинность и телеология в борьбе за науку". (Вена, 1904 г., гл. 15) и мою полемику с Рудольфом Штаммлером в „Проблемах марксизма", 4 изд.

Энгельс представил эту особую форму социальной причинности в виде основного ядра материалистического понимания историй, и хотя он это сделал с полной наглядностью, все же это постоянно упускается из вида и вообще не замечается, благодаря чему с большим возмущением распространяются на тему о мнимом отрицании материалистическим пониманием истории идейного фактора. Но что в действительности говорит Энгельс? В „Фейербахе" мы читаем: „Не история развития общества в одном пункте существенно отличается от истории развития в природе. Именно: в природе... действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы, и общие законы проявляются лишь путем взаимодействия таких сил. Здесь нигде нет сознанной, желанной цели... Наоборот, в истории общества действуют сплошь люди, одаренные сознанием, движимые убеждением или страстью, ставящие себе определенные цели. Здесь ничего не делается без сознанного намерения, без желанной цели" [1]). Материалистическое понимание истории не отрицает и не игнорирует субъективный характер, которым здесь отличаются явления природы. Думать, что эта теория может или только хочет обойтись без сознания, без мышления и воли людей, значит обнаруживать полнейшее непонимание ее. Она хочет лишь объяснить его, т.-е. поставить в общую цепь причин. „Не в том непоследовательность, что признается существование идеальных побудительных сил, а в том, что не стремятся проникнуть дальше, дойти до причин, создавших эти силы" [2]). Но именно это делает материалистическое понимание истории—оно является учением о конечных общественных мотивах бытия и деятельности людей, поскольку прослеживает их вплоть до тех определяющих элементов, которые связаны с сохранением и развитием самой жизни, вплоть до сферы отношений производства и потребления.

Одну из самых блестящих и плодотворнейших сторон деятельности Энгельса следует видеть в том, как

---

[1]) Энгельс, „Людвиг Фейербах", русск. пер., стр. 62.
[2]) Энгельс, Л. Фейербах", стр. 64.

он представляет материалистическое понимание истории в виде такого мотивационного учения об общественном развитии духа, как он при этом обнаруживает в строгой необходимости его диалектики ту же живую теплоту и увлекательную силу идеи, какая осталась у него в душе в виде драгоценного наследия от поры страстного юношеского увлечения Гегелем. Подобно тому, как в свое время у Гегеля движение абсолютного духа с внутренней необходимостью толкало к господству самосознания и этим вело в царство свободы, с той только разницей,—увы!—что все это развитие в своем суверенном, все из себя порождающем великолепии было вместе с тем самообманом,—так теперь развитие познания ведет к новому, но уже не обманчивому самосознанию: к познанию общественных законов и возможности их сознательного выполнения. „Подчинение общественной организации“,—говорится уже в „Анти-Дюринге“,—„которое до сих пор как бы навязывалось людям природой и историей, станет теперь их собственным свободным делом. Объективные и чуждые им силы, царившие до сих пор в истории, подпадут под контроль самих людей. Только тогда люди станут сами вполне сознательно творить свою историю... Это будет прыжком человечества из царства необходимости в царство свободы“ [1]).

В рамки настоящего очерка не входит подробное рассмотрение того, как Энгельс осветил материалистическое понимание истории установлением такой связи между идеей о природе и идеей о сознательной деятельности, направленной к определенным целям. Укажем здесь еще только на один пункт. В пользующихся заслуженной известностью письмах Энгельса за последние годы его жизни, в которых он отвечал на запросы о значении, сущности и границах материалистического понимания истории [2]), часто хотели видеть известное видоизменение его первоначальной, будто бы

---

[1]) „Анти-Дюринг“, русск. изд., стр. 252.

[2]) Письма эти собраны и напечатаны в „Документах социализма“, т. II, стр. 65 и след.

слишком узкой и односторонней, точки зрения, сводящейся к тому, что лишь теперь „всемогущество“ „материальных“ условий было будто бы ограничено в пользу большего признания роли „идеальных“ моментов. Такой взгляд безусловно ошибочен и основывается на укоренившемся непонимании как „материализма“ в марксизме вообще, так и его взгляда на „экономические“ или „материальные“ условия в частности. Стоит только понять, что для Маркса и Энгельса вообще совершенно немыслимо понятие экономических или материальных условий без идейного фактора, поскольку и критическое рассмотрение этих понятий как раз сводится к совлечению с них вещественной, материальной внешности, представляемой ими взору, и в признании их лишь выражением отношений людей между собою,—стоит только понять это и потом не забывать этого, чтобы стало так же ясно, что уже в так-называемых „низших“ материальных условиях повсюду появляется на исторической сцене человек, его мышление и деятельность, так что, как мы уже видели, даже побуждения голода и жажды в глазах Энгельса не явились историческими движущими силами без участия человеческой головы. Если Энгельс пишет в одном из своих писем: „Нам приходилось в борьбе с противниками подчеркивать отрицаемый ими главный принцип, и не всегда мы имели время, возможность и случай в надлежащем свете изображать остальные моменты, участвующие в взаимодействии“, то все же слишком поспешен и является натяжкой вывод из этого, что он вместе с Марксом не признавал всегда эти моменты неотделимой составной частью всего их мировоззрения и только впоследствии счел нужным специально высказать это в противовес чрезмерному усердию „иных самоновейших марксистов“, как выражается сам Энгельс. Не только буквальное, но действительно полное понимание мышления Маркса и Энгельса должно было найти предпосылки, а местами даже выражение всех этих „видоизменений“ уже в „Нищете философии“ и „Тезисах о Фейербахе“ Маркса, не говоря уже о „18-е Брюмера“ и

„Крестьянской войне“ Энгельса. И в противовес всем тем местам этих писем Энгельса, в которых хотели усмотреть смягчающие поправки к материалистическому пониманию истории, можно привести соответствующие отрывки из „Анти-Дюринга“ и „Фейербаха“, где они уже изложены. Таковы, например, указания на самостоятельную роль идейной традиции в праве, морали и религии, а также и на роль политической власти благодаря приобретению государственными учреждениями самостоятельности. Но и введение новых элементарных определяющих моментов наряду с экономическими, будто бы произведенное Энгельсом в этих письмах, как, например, влияние географической среды, расы и проч., отнюдь не появляется только теперь, как позднейшее видоизменение первоначальной более узкой точки зрения. Относительно значения влияния поверхности почвы интересна дискуссия между Марксом и Энгельсом в их переписке за 1866 год по поводу книги П. Тремо „Происхождение и превращения человека“. Таким образом, совершенно неправильно понят приступ Энгельса к позднейшему „дополнению“ материалистического понимания истории. К сожалению, последнее было своими творцами разработано лишь частями, но тем не менее оно не является чем-то отрывочным, а представляет собою цельное мировоззрение, которое и следует понимать, как нечто цельное [1]).

---

[1]) Странным образом и Карл Форлендер в своей недавно вышедшей книжке „Маркс, Энгельс и Лассаль, как философы“, которая слишком бегло трактует свою тему, примкнул к ходячему мнению, не отдающему должного теоретической высоте марксизма у его основателей, — к тому мнению, что эти упомянутые выше письма Энгельса „представляют собою значительное видоизменение, или ограничение „данных ранее Марксом и Энгельсом формулировок“ и что Энгельс „предавался самообману“, когда писал в одном из этих писем: „Более этого Маркс, а также он сам, никогда прежде не утверждали“. Мнение это можно прямо и часто даже буквально опровергнуть, если подробно остановиться и на произведениях Маркса, чего не позволяет цель настоящего очерка. Главной „поправкой“ в письмах Энгельса представляется допущение взаимодействия между экономическим базисом и иде-

логическими надстройками. Но уже в тезисах о „Фейербахе" Маркс писал: „Материалистическое учение о том, что люди представляют собою продукт обстоятельств и воспитания... забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми"... Его понятие „о революционной практике" вполне совпадает с понятием взаимодействия у Энгельса. А в „Нищете философии" говорится, что исследовать потребности, производительные силы, способ производства людей в какую-нибудь эпоху „разве не значит исследовать действительную историю людей этой эпохи, изобразить этих людей, так как они являлись одновременно творцами и актерами своей собственной драмы?" И, наконец, в 4 отделе введения в „Критику политической экономии", к сожалению, оставшемся незаконченным, на большое значение которого я обратил внимание уже в 1904 г. („Работы по изучению Маркса", I, стр. 294 и след.), в пунктах, которые Маркс наметил для методологической разработки и „которые не следует забывать", перечислены:—влияние войны на развитие экономических отношений, проявление не первоначальных, а производных, вторичного и третичного порядка, производственных отношений, причем особенно должно быть принято во внимание вмешательство международных отношений, затем влияние гражданского права, например, римского права на современное производство („Neue Zeit", XXI, 1, стр. 779)—все моменты взаимодействия. Таким образом, то, что Форлендер видит в письмах Энгельса, как „решительное улучшение первоначально преувеличенного основного принципа" уже сначала было в него введено.—По моему мнению, только одно действительное видоизменение, или, лучше сказать, дополнение Энгельс ввел в точку зрения материалистического понимания истории, и оно состоит в выдвигании фактора продолжения рода наряду с общественным трудом. Под влиянием исследований Моргана, которые, по словам Энгельса, сам Маркс уже хотел согласовать с своим мировоззрением, Энгельс, как известно, сказал в своей книге „Происхождение семьи и т. д.", что общественные учреждения обусловливаются двумя видами производства: „степенью развития, с одной стороны, труда, с другой—семьи". Однако, уже в том же предисловии, где мы читаем эти слова, и еще больше в самой книге, Энгельс показывает, как родовая группа, которая, повидимому, обусловливает определенный общественный строй, сама является лишь функцией определенной ступени развития общественного труда и его разделения, и что именно в результате изменения производительности и организации этого общественного труда она необходимо разлагается и претерпевает изменения. Поэтому будет согласно смыслу этой теории марксизма отвергнуть самостоятельное значение форм семьи наряду с экономическими факторами.

IX.

Социализм-душеприказчик.

Скачек в царство свободы, к которому привела теория, есть вместе с тем на практике — победа социализма; или, лучше сказать, осуществленный социализм есть не что иное, как переживаемая, наконец, заключительная глава теоретически заранее предуказываемого развития социальной жизни к общественности, сознательно регулирующей самое себя. Первоначально и долгое время спустя естественное развитие общества под конец диалектически приводит, таким образом, к своей противоположности: к культурному дальнейшему творчеству последнего. Необходимость превращается, как у Канта, в самоопределение, естественный процесс становится, как у Фихте, задачей и делом, развитие делается, как у Гегеля, самосознанием эпохи о самой себе и о происходящей в ней борьбе, — перед нами величественнейшее осуществление завещания классической немецкой философии о превращении теории в практику. И Энгельс всегда с гордостью претендовал для социализма, в выработке которого он принимал участие, на роль душеприказчика. В исполнение этого завещания марксизм явился провозвестником необходимости социальной революции. И с сознанием этого Энгельс вместе с тем вернулся к исходному пункту своего социально-научного мышления, которое, как мы видели, находилось под глубоким впечатлением неудержимо надвигающейся социальной революции.

Эта мысль была, таким образом, руководящей мыслью и вместе с тем результатом его теоритической работы,— обстоятельство, которое только кажется противоречивым, так как, как раз история науки говорит своими великими переворотами, что именно учреждения открывают опыту новые области и ведут науку на новые пути. Весьма удачно говорит *А. Риль*: „Открытие и доказательство какого-нибудь нового познания идут в большинстве случаев различными путями..., то, приложимость чего должна быть объективно доказана, сперва должно быть субъективно перечувствовано, как истина". Таким субъективным переживанием было для Энгельса впечатление потрясающего противоречия массовой нищеты английского пролетариата и высоты технического развития английской крупной промышленности, причем в этом ничего не изменили все политические освобождения предыдущих революций и ничего не сможет изменить в будущем весь энтузиазм к основным правам и гражданским свободам. Отсюда у него рано родилось сознание, что всякая политика должна быть по существу социальной, т.-е. не должна в своих реформаторских стремлениях иметь в виду только правовую сторону нашей общественной жизни, но в первую очередь— хозяйственную. И этот рано усвоенный основной взгляд на политику отныне определяет все воззрения и все мышление Энгельса.

Как и у Маркса, всю умственную жизнь Энгельса окрашивает внутреннее единство и логика, так что во взглядах поры его высшего развития мы видим лишь созревшие ростки идей, взошедшие в изумительном изобилии уже во время его юности. То счастливое обстоятельство, что трудная и часто сухая научная работа на пути диалектики все же привела к сохранению в неприкосновенности всей полноты юношеских идеалов, не в малой степени содействовало тому, чтобы Энгельс сделался столь убежденным и убедительным учителем социализма. И все, для кого социализм является идеалом, при углублении в сочинения Энгельса, снова переживают это счастье, теоретически укрепляя свой идеал. Потому-то так близок пролета-

риату Энгельс и всегда будет ему дорог, что своим ясным изложением и живой речью он так быстро вводит его в нелегко доступную сущность марксизма, впервые открывающую ему смысл и значение его стремлений и надежд. Из удивительного единства теории и практики в марксизме, строго логическим и вместе с тем страстным истолкователем которого был Энгельс, пролетариат черпает не только понимание прошедшего и разумение современных общественных отношений, но прежде всего и сознание собственного значения в обществе и своих задач в будущем.

Так социальная теория непосредственно переходит в политическое действие. Или, говоря словами Энгельса, она не просто символ веры, но стимул к действию, на который, в силу именно этой теории, раньше всех других должен отозваться пролетариат. Диалектика и материалистическое понимание истории, — это не просто продукты мышления, это выраженное в мыслях горячее дыхание самой истории, в которой ее великий плод—социализм—лишь скорее созреет. Если в волшебном сновидении Гейне за поэтом следует молчаливый спутник, в одно мгновение выполняющий возникшие у него в мыслях желания: „Я — дело твоих мыслей", то теория Маркса и Энгельса является скорее мыслью, идущей впереди совершающихся исторических действий. Она не идет позади с судейским топором, как этот призрачный ликтор, а выступает впереди со светочем в руках, не предуказывая человечеству путь, но освещая ему тот путь, по которому оно должно идти.

СОДЕРЖАНИЕ.

		стр.
Предисловие проф. М. В. Серебрякова		3
	Предисловие	15
I.	Самостоятельное значение Энгельса в марксизме	17
II.	Философское начало	23
III.	Поворот к социализму	34
IV.	Первый набросок марксизма	42
V.	Коммунизм—лишь вывод из философии	55
VI.	Влияние Маркса	65
VII.	Диалектика у Энгельса	78
VIII.	Материалистическое понимание истории	91
IX.	Социализм-душеприказчик	100

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“

Существует с 1916 г.

ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Октября, 74, тел. 134-34 и 170-94.
МОСКВА, Тверская, 38, тел. 264-61 и 377-23.

НОВЫЕ КНИГИ.

Адлер, Виктор. Статьи, письма и речи. Выпуск первый: Виктор Адлер и Фридрих Энгельс. Перевод С. Салитан. Стр. 205, Ц. 1 р. 40 к.

Адлер, Макс. Марксизм, как пролетарское учение о жизни. Перевод с немецкого под редакцией и с предисловием И. А. Давыдова. Стр. 54. Ц. 27 к.

Его-же. Маркс, как мыслитель. Перевод со второго переработанного издания В. Н. Розанова. С предисловием проф. М. В. Серебрякова. Стр. 123. Ц. 90 к.

Его-же. Энгельс, как мыслитель. Перевод с немецкого С. И. Цедербаум. С предисловием проф. М. В. Серебрякова. Стр. 104.

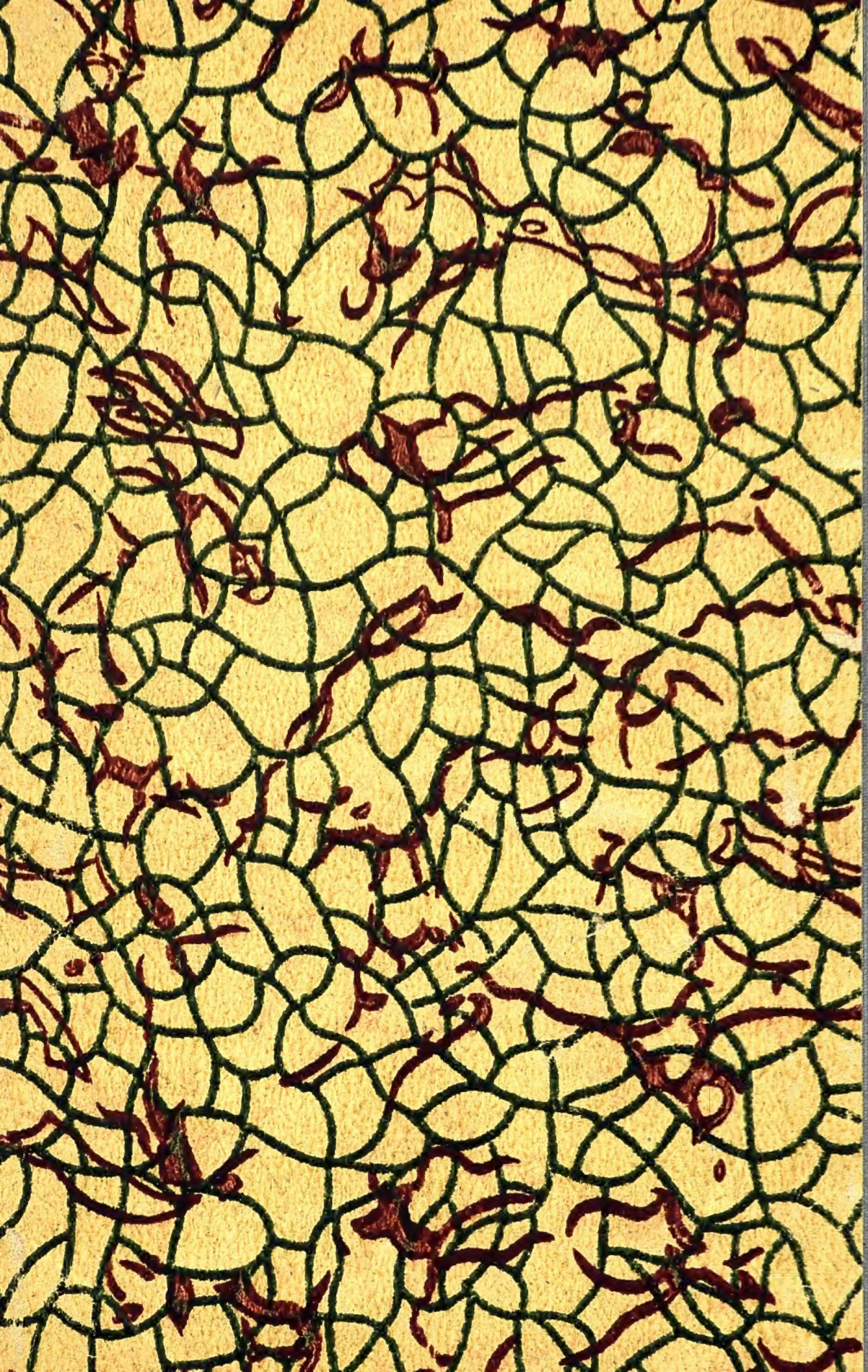
Богданов, А. Философия живого опыта. Популярные очерки. 3-е изд. Стр. 346. Ц. 2 р.

Его-же. Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. Изд. 3-е. Стр. 313. Ц. 2 р. 20 к.

Корш, К. Марксизм и философия. (Печатается).

Рожков, Н., проф. Смысл и красота жизни. Этюд из практической философии. Стр. 52. Ц. 30 к.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ

Цена 70 коп.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ
ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“
Ленинград, Пр. 25 Октября, 74, тел. 134-34 и 170-94
Москва, Тверская, 38, тел. 264-61 и 377-23